

№8

Август 2024

РУССКИЙ КЛУБ

PARIS 2024

Фото: Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:

Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Демико ЛОЛАДЗЕ
Михаил ЛЯШЕНКО

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

Корректурa
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Александр ЭБАНОИДЗЕ

Армения
Каринэ ХАЛАТОВА

Беларусь
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
Князь Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Заур КВИЖИНАДЗЕ
Елен ДОРИС

Франция
Граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№8⁽²²⁶⁾
Август 2024

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ОБЪЕДИНЯТЬ И ПРОСВЕЩАТЬ
- 10 СЛЕД ЖИЗНИ,
ИЛИ КОЛЛЕКЦИЯ ЖИТЕЙСКОГО АНТИКВАРИАТА
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
- 16 «ПОЧЕМУ ЭТО РЯДОМ – ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ?»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 20 МАСТЕР-КЛАСС ПОД ЗОНТИКАМИ
КЕТЕВАН МГЕБРИШВИЛИ
- 23 ОРЕНБУРГ-ТБИЛИСИ И ОБРАТНО
НИНА ШАДУРИ
- 26 «В ПОЧЕТЕ, И ВСЕ Ж НА УЧЕТЕ»
ВЛАДИМИР ТАВАДЗЕ
- 32 УБИЙЦА
БЕКА КУРХУЛИ
- 42 ПЕРВЫЙ ЭТНОФЕСТИВАЛЬ В ГРУЗИИ
ЮЛИЯ ТУЖИЛКИНА
- 44 СПОРТСМЕНЫ ГРУЗИИ В ИСЛАНДИИ
ТЕНГИЗ ПАЧКОРИЯ
- 46 СИМВОЛ МИРА И ДОБРА
- 49 ЕЕ ЗВАЛИ МАРИЕЙ
ЯКОВ ГУРЕВИЧ
- 52 «ЛИЦЕЙСКОЙ ЖИЗНИ МИЛЫЙ БРАТ»
ИГОРЬ АЛЬМЕЧИТОВ
- 54 ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ

На обложке – ОЛИМПИЙСКАЯ СБОРНАЯ ГРУЗИИ. ПАРИЖ-2024
<https://www.facebook.com/MinistryofCultureSportandYouth>

от ДО

Роб АВАДЯЕВ

ГЕНИУ СКУЧНО, ИЛИ НИЧЬЯ С ДЬЯВОЛОМ

Обычно, по традиции нашей рубрики, сложившейся почти полтора десятка лет назад, мы выбираем даты рождений наших героев, а не дни их памяти. Но иногда делаем исключение, если попадается уж очень интересный исторический персонаж. И нынче именно такой случай. Мы хотим вам рассказать об одном из сильнейших и загадочных шахматистов в истории, о легендарном американском мастере XIX века Поле Морфи. Он до сих пор является феноменом в мире шахмат. Его называли лучшим шахматистом в истории знаменитые Бобби Фишер, Михаил Ботвинник, Гарри Каспаров и другие именитые гроссмейстеры. Морфи считали человеком другой эпохи. Он опередил свое время и использовал идеи, до которых шахматисты додумались только лет через 50-70.

Родился Пол Чарльз Морфи в 1838 году в Новом Орлеане в приличной семье. Специально его

шахматам никто не учил. Мальчик смотрел, как играют взрослые, сам разобрался, как ходят фигуры и в чем смысл игры. Его понемногу стал учить дядя Эрнесто. И уже в 10 лет Пол начал побеждать сильнейших шахматистов города, а в 12 лет сразился с заезжим венгерским мастером Левенталем. Но это были «легкие шахматы», в которые играют на досуге для удовольствия, а юноше хотелось большего – крупных ответственных турниров. И Морфи всерьез занялся развитием своей шахматной мысли. Однако семья захотела, чтобы Пол получил серьезную профессию, и юный гений поступил в университет и окончил его за два года, получив диплом юриста. И с чистой совестью занялся шахматами. Первого крупного турнирного успеха Морфи добился в 1857 году на Американском шахматном конгрессе из 16 участников. Он буквально нокаутировал первых соперников и легко вышел в финал, где сразился с самым сильным мастером Луи Паульсенем. И тот ничего не смог поделать с молодым двадцатилетним южанином. Так Морфи стал победителем турнира. А потом был триумф Пола в Европе – он отправился за океан, чтобы помериться силами с самыми выдающимися мастерами Старого света. Морфи выиграл матчи против Берда, своего старого знакомого Левенталя, Гарвица, Монгредиа, досталось также английским гроссмейстерам в лице Барнса и Оуэна. Триумф молодого американца был полным, Пол даже попал на аудиенцию к королеве Виктории. При этом сам Морфи называл себя любителем, а не профессиональным шахматистом. Ему очень хотелось сыграть с маэстро Говардом Стаунтоном, но исторический матч не состоялся. Тот отказался по состоянию здоровья. Правда, они разок сыграли партию в «легкие шахматы», и победа осталась за Морфи.

Полу опять хотелось большего, и он бросил вызов сильнейшему шахматисту мира того времени, немцу Адольфу Андерсену. Морфи выиграл семь из одиннадцати партий при двух поражениях и двух ничьих.

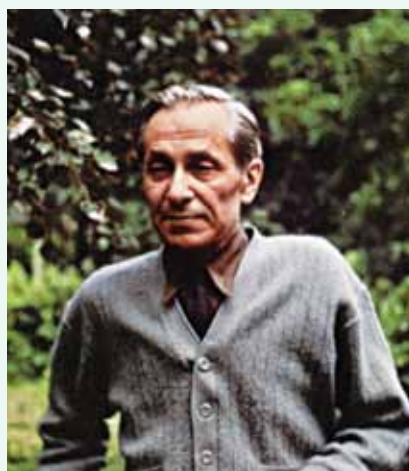
И тут Морфи сильно заскучал. Он вернулся домой, где его буквально короновали в Нью-Йорке лучшим шахматистом мира. Но Пол, шахматная карьера которого продолжалась менее двух лет, больше не видел смысла своей дальнейшей игры в шахматы. Он всех победил, куда еще больше? Просто Морфи надоело побеждать. Он был согласен на игру только черными фигурами, и только без пешки Ф7. А с такой форой никто играть не хотел. Дома в Новом Орлеане Морфи попытался заняться юриспруденцией – но к

нему клиенты приходили только поговорить о шахматах и поглазеть на знаменитость.

Во время Гражданской войны Севера и Юга, когда Пол Морфи служил при штабе генерала южан, произошла поразительная история. Однажды он посетил в Ричмонде коллегу-юриста, преподобного Р.Р. Гаррисона. И после ужина тот показал ему офорт популярной картины «Шахматисты» немецкого художника первой половины XIX века Морица Ретча. На ней юноша играл в шахматы с дьяволом в присутствии своего ангела-хранителя. Морфи с большим интересом разглядывал картину, а хозяин дома, указав на шахматную позицию на картине, сказал, что юноша обречен и даже сам Морфи не сможет спасти эту партию. На что Пол ответил: «А давайте расставим фигуры и попробуем! У короля есть еще один ход». Позиция была расставлена на доске. И Морфи «спас юношу», сведя партию с дьяволом вничью, сделал тот самый неожиданный ход.

В 47 лет Морфи внезапно скончался от инсульта в ледяной ванне после жаркой прогулки. В памяти потомков он остался некоронованным чемпионом мира и непревзойденным гением.

МИХАИЛ ЗОЩЕНКО - 130

По воспоминаниям свидетелей, когда он со сцены читал свои рассказы с абсолютно непроницаемым лицом, публика буквально умирала от хохота, утирала слезы, в восторге топала ногами. Михаил Зощенко родился 9 августа 1894 года, и мы отмечаем его юбилей, ибо он в свои годы был невероятно популярен. Да и сейчас его книги есть практически в каждой домашней библиотеке, в отличие от его высокопоставленного партийного экзекутора Андрея Жданова, от которого не осталось даже названия станции в московском метро. А ведь этот владыка Северной столицы в своем постановлении о журналах «Звезда» и «Ленинград»

буквально растоптал двух великих людей – Ахматову и Зощенко. Но наш герой нашел в себе силы выжить, ведь он был офицером на Первой мировой. «В девятнадцать лет я был уже поручиком. В двадцать лет – имел пять орденов и был представлен в капитаны. Но это не означало, что я был герой. Это означало, что два года подряд я был на позициях». А в июле 1916 г. в бою под Сморгонью Зощенко получил отравление ядовитыми газами. После лечения в госпитале вернулся на фронт, но в феврале 1917 г., после обострения болезни сердца от газового отравления, отчислен в резерв в звании штабс-капитана. И на всю жизнь эта болезнь стала его верной спутницей, она его и погубила в возрасте 64 лет. А еще Зощенко преследовала вечная хандра и панические атаки. Впрочем, он был решительным и собранным человеком, настоящим трудоголиком. За последующие после демобилизации три года он «сменил три города и десять профессий» – был милиционером, счетоводом, сапожником, инструктором по птицеводству, телефонистом пограничной охраны, агентом уголовного розыска, секретарем суда, делопроизводителем. А еще воевал в Красной армии, и через какое-то время был комиссован в запас. Он долго пытался выжить и перебивался случайными заработками, пока не стал профессиональным писателем, участником творческой группы «Серапионовы братья» вместе с друзьями Кавериним, Слонимским, Федеиным, Тихоновым, Вс. Ивановым и др. К нему пришла популярность, а после – настоящая слава. Хотя, его начинали понемногу доносить критики. В июне 1941-го он пошел в военкомат добровольцем, но его не взяли в армию по здоровью. Тогда Михаил Михайлович пошел в пожарную дружину и тушил на крышах «зажигалки», сброшенные с немецких самолетов. Осенью его эвакуировали в Алма-Ату. Вернулся он в Москву в 1943-м и вновь занялся писательством, но все больше детскими рассказами, пока им не был написан тот самый несчастный рассказ «Приключения обезьяны», из-за которого его и исключили из Союза писателей, оставив бедствовать. Зощенко с семьей перебрался на дачу в Сестрорецк, где зарабатывал переводами, пока после смерти «вождя народов», его в 1953 году не восстановили в писательских правах. Но наш великий сатирик уже очень тяжело болел и прожил недолго. Сейчас к творчеству Зощенко нечасто обращаются, но его рассказы по-прежнему современны. Их герои – невежды, мещане, хамы, жлобы и карьеристы – вечны... и смешны.

ЮБИЛЕЙ ПИСАТЕЛЯ-ФАНТАСТА

Прекрасному, умному и доброму американскому писателю-фантасту, настоящему гуманисту Клиффорду Саймаку 3 августа исполняется 120 лет со дня рождения. Он был замечательной личностью. Его отличала вера в разум, доброе начало в человеке и человечестве, он призывал к миру и единению всех, кто живет на планете Земля. И даже к тем, кто встретится нашему человечеству в будущем. Забавно, что наши читатели, как впрочем и американцы, знали его под неправильно прочитанной фамилией – никакой он не Саймак, а просто Симак, ибо его семья происходила из чешской Богемии, хотя сам он родился в штате Висконсин. Но, как это часто бывает, ошибка осталась навсегда. Саймак написал более тридцати романов, и читатели, считающие его одним из основателей жанра научной фантастики, с упоением читают его «Все живое...», «Почти как люди», «Город», «Кольцо вокруг Солнца», «Выбор богов», «Наследие звезд», «Пришельцы» и блестящий, развеселый и изобретательный «Заповедник гоблинов».

АРИСТОКРАТ-КИТОБОЙ И ВЕЛИКИЙ ПИСАТЕЛЬ

1 августа 1819 года родился Герман Мелвилл. Он происходил из семьи американских аристократов, но, имея непоседливую натуру и неутомимый нрав, часто попадал в разные опасные переделки. Он ходил по Тихому океану на китобойном судне, посетил немало стран и земель, был любим многими прекрасными женщинами, считавшими его неотразимым, а также побывал в плену у племени каннибалов (как они его только не съели!), о чем он написал в своей популярной книге «Тайпи» и имел с ней огромный успех. Мелвилл был очень успешным прозаиком. А его роман «Моби Дик, или Белый кит» был признан величайшим американским романом

XIX века, хотя изначально был плохо принят критикой и читателями. Лишь спустя 75 лет Мелвилл был причислен критиками к классике. Мелвилла обожали Хемингуэй с Фолкнером и считали его литературной иконой.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПОМПЕИ

А еще в давние времена, 25 августа 79 года н.э. на Апеннинском полуострове произошло ужасное извержение вулкана Везувий, уничтожившее процветающие римские города Помпеи, Геркуланум, Оплонтис и Стабию. Они были погребены под слоем пепла и лавы, погубившим несколько десятков тысяч человек. Среди них погиб – отравился при спасательных работах серным газом – выдающийся древнеримский историк, литератор и государственный деятель Плиний Старший. А его племянник, не менее известный писатель Плиний Младший, наблюдая издали, с противоположного берега Неаполитанского залива, оставил документальные свидетельства этой катастрофы, в частности, впервые описав пирокластический поток, уничтоживший все живое.

ОБЪЕДИНЯТЬ И ПРОСВЕЩАТЬ

■ Соб. инф.

Нет более благородного и ценного занятия, чем человек, обучающий подрастающее поколение.

Цицерон

Школьные учителя обладают властью, о которой премьер-министрам остается только мечтать.

Уинстон Черчилль

«Непредставима жизнь без Пушкина», писал Евгений Евтушенко. И с ним невозможно не согласиться. А Резо Габриадзе как-то сказал, что «Пушкин – это перекресток, где все друг с другом согласны». А потому в юбилейный год Поэта IV Тренинг-семинар для преподавателей РКИ «Шекветили-2024» был посвящен 225-летию со дня его рождения. Слушателя-

ми стали 50 педагогов из центральных и удаленных регионов Грузии.

В рамках программы состоялись показы художественных картин: «Путешествие в Арзрум» (1936), снятой к 100-летию со дня смерти поэта (в роли Александра Сергеевича – Дмитрий Журавлев); «Станционный смотритель» режиссера Сергея Соловьева (1972) и «Пове-

сти Белкина. Выстрел» в постановке Петра Фоменко (1981). А также презентация восьмой серии просветительского сериала «Прогулки с великими» – «Прогулка с Пушкиным».

Проект каждый год набирает обороты. В качестве лекторов к участию приглашаются виднейшие специалисты в области преподавания РКИ (русского как иностранного), истории языка и литературы. В этом году ими стали: **Татьяна Марченко**, доктор филологических наук, участница многих международных научных конференций и симпозиумов, автор более 100 научных работ; **Вадим Крысько**, доктор филологических наук, участник съездов славистов и многих международных конференций в России и за рубежом, автор около 20-ти монографий и более 300 научных статей, соавтор и главный редактор около 20-ти словарей; **Наталья Новикова**, кандидат филологических

Наталья Новикова

наук, автор более 300 научных работ и 30 учебных пособий по проблемам межкультурной коммуникации, культуры речи и методики преподавания РКИ, создатель авторской методики преподавания РКИ.

И какими интересными получились лекции «Памятник Пушкину – в центре Москвы и в русской литературе» и «Александр Сергеевич, я по вам скачаю...»: Пушкин в зарубежье» Т.В. Марченко и «Пушкин и тысячелетие письменной истории русского языка» и «Пыль веков от хартий отряхнув» В.Б. Крысько.

Увлекательными, живыми были занятия Н.С. Новиковой: «Как звучала речь наших предков», «Фразеологизмы в тексте: камни преткновения или краеугольные камни?», «Интенсивный курс РЯ: чему мы можем научить при минимуме учебных часов», «Глаголы движения в РКИ на разных этапах обучения».

Участники тренинга не могли не воспользоваться случаем и по окончании лекций оживленные дискуссии плавно перетекали в неформальное общение.

В один из дней состоялось

награждение региональных участников-победителей Конкурса детского рисунка «Веселое имя – Пушкин», который «Русский клуб» провел весной этого года к памятной дате поэта. Как мы уже писали, мы получили 313 (!) рисунков. Проект охватил самые удаленные районы Грузии, в нем приняли участие представители 18 муниципалитетов страны.

Все участники получили в дар наборы печатной продукции, изданной «Русским клубом» – журналы, художественную и методическую литературу, в том числе – издания из серии «Детская книга»: сборники классических произведений для детей со словарями, упражнениями, кроссвордами и раскрасками, адаптированные специально для юных грузиноязычных читателей.

Мы не станем скрывать, что в этом году к нашему глубокому огорчению не обошлось без капли дегтя в бочке меда. Наш проект оказался в центре медийного скандала, вызванного фейковой информацией.

Из официального обращения на странице «Русского клуба»:

Вадим Крысько

Татьяна Марченко

«Не будем скрывать, мы рассчитывали на внимание к проекту. Однако получили совсем не то внимание, какого ожидали.

Во избежание кривотолков и ложных слухов, которые уже начали вращаться в ряде СМИ, считаем необходимым дать некоторые пояснения.

Конечно, мы очень рады, что средства массовой информации, оказывается так рьяно поддерживают правительственный закон «О прозрачности иностранного финансирования» и так точно его исполняют. Такое уважительное отношение к закону можно только приветствовать. Однако в данном случае журналисты попали пальцем в небо. Категорически и со всей ответственностью «Русский клуб» заявляет: в проекте тренинга нет ни одной (подчеркиваем, ни одной!) иностранной (а именно: российской) копейки. Проект целиком и полностью поддержан исключительно грузинскими бизнесменами, за что, пользуясь случаем, мы приносим им нашу искреннюю благодарность».

Конечно, нас удивило и возмутило поведение журналистов. Когда-то ведь и они учились в школе, и у них были любимые учителя. Увы, не всегда «разумное, доброе, вечное»

попадает на благодатную почву.

Мы благодарны всем нашим дорогим педагогам за мужество, за их труд. Мы ждем новых встреч – они непременно будут, и желаем им нести русское слово дальше с гордо поднятой головой.

И в заключение цитата из поста президента МКПС «Русский клуб» Н.Н. Свентицкого:

«Хочется спросить журналистов, запустивших в медийное пространство дезинформацию: это и есть цивилизованная журналистика? Предавать гласности ложные факты, искаженные данные и таким образом манипулировать взглядами людей и влиять на общественное мнение – это и есть профессиональный подход?

А ведь в результате публикаций и видеосюжетов, основанных на недостоверных сведениях, наши участники – 50 учителей, ничем не запятнавших своей репутации – подверглись самому настоящему буллингу: им писали оскорбительные смс и комментарии в соцсетях, звонили по телефону с угрозами, подстерегали на улице...

И с таким отношением к своим достойным соотечественникам, уважаемым гражданам мы хотим войти в Европу? Если мы не будем уважать себя и друг друга, нас не будет уважать никто.

Задумайтесь об этом, прошу вас.

В. Крысько и Т. Марченко

И еще. «Русский клуб» существует в Грузии уже 21 год. Мне хотелось бы напомнить, что за эти годы он реализовал столько проектов, сколько хватило бы на десяток организаций. В их числе: Международный поэтический фестиваль (с участием от 21 до 32 стран Европы и постсоветского пространства, а также США и Канады) – прошел семь раз, Международный фестиваль авторской песни (с участием 11 стран) – пять раз, Международная Летняя театральная школа (с участием 9 стран) – шесть раз, ежегодная благотворительная новогодняя акция для детей в театре им. Грибоедова – двадцать раз, издания из серии «Детская книга» для юных грузиноязычных читателей – 15 наименований, журнал «Русский клуб» – 226 номеров (по оценке Чабуа Амирэджиби, Джансуга Чарквиани, Гиги Лордкипанидзе и других выдающихся деятелей – «самый патриотичный журнал Грузии» – откройте этот журнал, почитайте и убедитесь сами)... И это не считая многочисленных конференций и форумов, концертов и вечеров, презентаций и экскурсий, книг поэзии, прозы, переводов, музыкальных и поэтических дисков... И все это так или иначе всегда связано с грузинской культурой.

Вот это и есть «Русский клуб» – мы работаем в Грузии и для Грузии».

P.S.

Подведем итоги?

Проект «Тренинг-семинар для преподавателей РКИ», посвященный 225-летию со дня рождения А.С. Пушкина, состоялся. И состоялся блестяще. Педагоги со всех концов Грузии получили ценные знания, общались с блистательными специалистами, отдыхали, купались, загорали, смеялись и танцевали. Прекрасно питались. Ходили на экскурсии.

Полученными знаниями участники готовы делиться с коллегами. Так же от радно, что мы не поддались на провокации, не ввязались в скандал, который нам навязывали.

Как там у Пушкина?

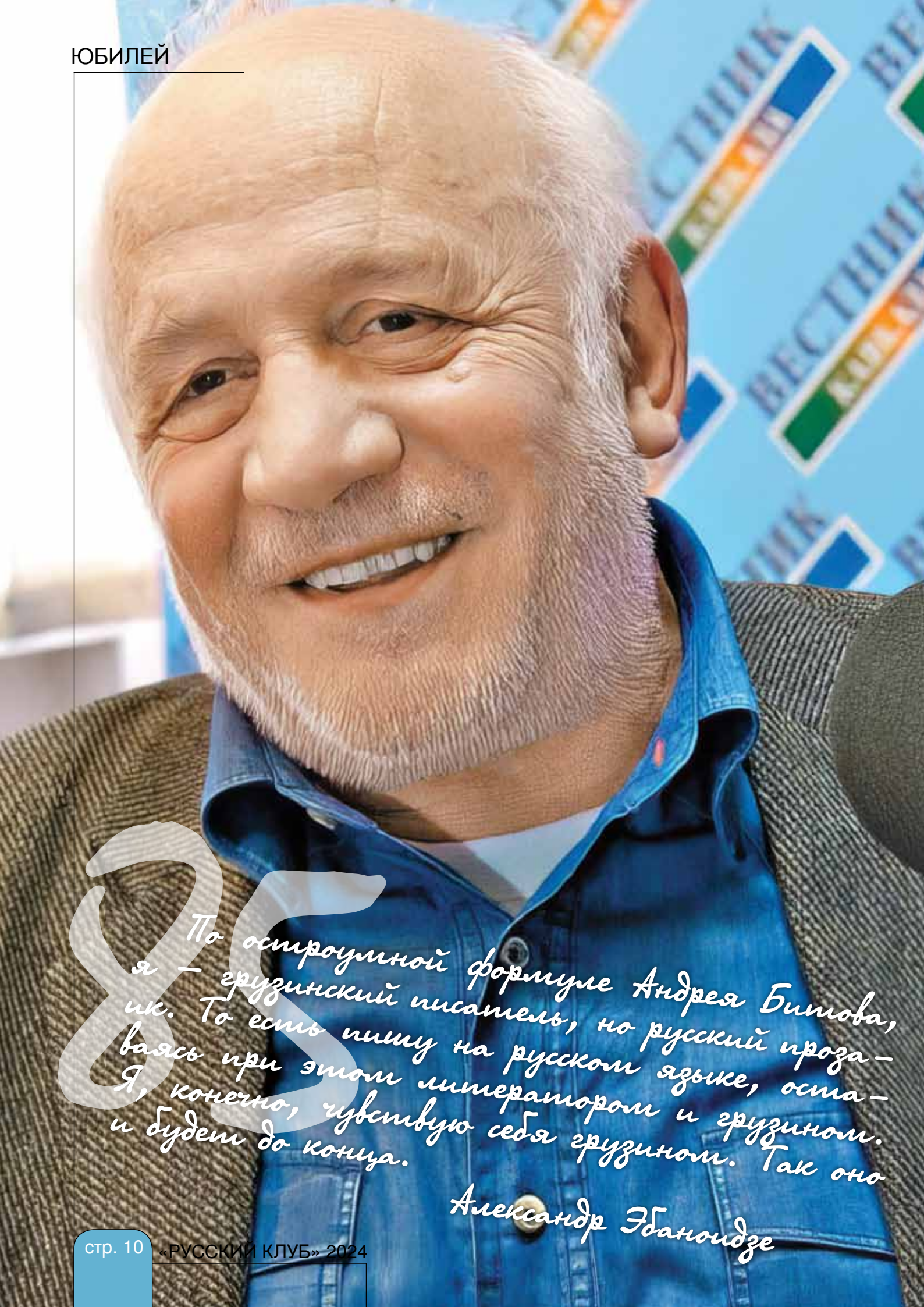
И долго буду тем
любезен я народу,
Что чувства добрые
я лирой пробуждал,
Что в мой жестокой век
восславил я Свободу
И милость к падшим
призывал.

Веленью божию,
о муза, будь послушна,
Обиды не страшась,
не требуя венца,
Хулу и клевету

приемли равнодушно,
И не оспоривай глупца.

Наш проект расширяется год от года. В прошлом году нас было 20, в этом – 50. На следующий год будет 100. Предлагаем и журналистам присоединиться к проекту РК. Ведь в этом и состоит цель проекта – объединять и просвещать. Сделать разумное, доброе, вечное...

По остроумной формуле Андрея Битова, я — грузинский писатель, но русский прозаик. То есть пишу на русском языке, оставаясь при этом литератором и грузином. Я, конечно, чувствую себя грузином. Так оно и будет до конца.

Александр Збанойдзе

СЛЕД ЖИЗНИ, ИЛИ КОЛЛЕКЦИЯ ЖИТЕЙСКОГО АНТИКВАРИАТА

Фрагменты из книги

■ **Александр ЭБАНОИДЗЕ**

РЕКА ДЗИРУЛА

Жизнь зародилась в воде. Не знаю, почему для доказательства столь очевидной истины ученым пришлось исследовать мезозойские ракушки и вылавливать последних целакантов. Мне с детства было ясно: жизнь зародилась в воде, иначе почему вода влекла так неодолимо, как может влечь только родная стихия. Даже в зрелые годы вода вызывает простейшую биологическую радость, насколько же она естественней в детстве, когда большеголовый и гладкий, ты похож на лягушонка и твои инстинкты сильнее сознания.

Не помню, когда я в первый раз ступил в свою заводь, думаю, мне было не больше трех лет. С тех пор, пока не поплыл, она привечала меня и бережно пестовала. Река открывалась вдруг, сразу за уступом горы, и ее появление на какое-то неуловимое мгновение опережалось бьющим в лицо шумом – словно я вмиг раскрывал зажатые ладонями уши. Хватаясь за кустики и стебли папоротника, чтобы не разогнаться, я сбегал с кручи и осторожно пересекал асфальтовое шоссе. Ниже него раскинулся берег реки. Усыпавшие его нагретые камни походили на вымытых подсвинков. Босыми ногами чувствуя их тепло, я подходил к речке и вступал в нее – сначала по щиколотки, потом до колен и наконец плюхался и обмирал от наслаждения. Прогретая вода плескала на спину, на плечи и темя. Река и солнце наперегонки пеклись обо мне. Я передвигался по дну на руках, мня себя пловцом. Широкая заводь походила на жидкий малахит. Я обшарил песчаное дно, чуть накрепкое к нашему берегу, и знал в нем каждый шершавый камень в песке и каждый подернутый слизью валун. Иногда мне встречался рак, коряво поспешавший к берегу; пара глупых бычков замирала возле моих рук и пугливо стреляла в стороны; а случалось, что из воды выпрыгивала сверкнувшая как нож, серебристая рыбка и мне чудилась шалая ухмылка ее рыбьего рта...

Жидкий малахит реки растекался по излучине и процеживался сквозь камни. Теплый как остывающий чай, у нашего берега в тени орешника он заметно темнел и походил на мед. Во вкусе воды терпкость и сладость сочетались с горчинкой – вкус горной речки, вобравшей десятки ключей, утопившей на дне спелые желуди, кисти рябин и вязкую дубовую падь. Нахлебавшись, я даже внутри себя чувствовал ее, словно на время опять становился земноводным.

Мы жили выше всех на горе и с наших высот дорога на речку была целым путешествием. Но ни одно путешествие не вызывало у меня такой радостной готовности: я возвра-

Александр Луарсабович Эбаноидзе – прозаик, переводчик, публицист. Родился в 1939 году в Тбилиси. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Дебютировал в 1960 г. в «Литературной газете» переводом рассказа Отиа Иоселиани «Девушка в белом». В 1965 г. в журнале «Сельская молодежь» был опубликован рассказ «Ночь и утро», а в «Литературной Грузии» – «Рассказ о войне». Автор романов, повестей, рассказов, сценария, радиопостановки, публицистических статей. Роман «Два месяца в деревне, или Брак по-имеретински» переведен на 15 языков, инсценирован и экранизирован в СССР и за рубежом. На Всесоюзном радио шестисерийную инсценировку под названием «Ежевика под снегом», инкрустированную великолепным грузинским многоголосьем, озвучивали ведущие артисты столичных театров; то же было в Берлине и Будапеште. В 2013 г. выдающийся грузинский композитор Георгий Цабадзе написал по «Браку по-имеретински» мюзикл «Женись на Нуце», премьера которого с успехом прошла в Киевском театре оперетты. Общий тираж книги давно перевалил за миллион экземпляров. А. Эбаноидзе перевел с грузинского на русский десятки книг и пьес выдающихся грузинских писателей и драматургов. С 1995 по 2017 гг. возглавлял журнал «Дружба народов». Кавалер ордена Чести. Лауреат ряда литературных премий.

щался в родную стихию. Я помнил, что меня ждет. Видит бог, река ни разу не обманула моих ожиданий.

Так было в детстве, в том возрасте, когда, передвигаясь на ручонках по дну и задрав подбородок, дабы не нахлебаться, я мнил себя пловцом. Со временем все переменилось. К пятнадцати годам малыш превратился в юнца, плавающего и верткого, как щука. Таких нас было небольшая ватага – шурята с обгорелыми спинами и облупленными носами. Разделившись на шайки, мы топили друг друга, топили старательно, беспощадно и зло, ибо были непотопляемы как щепки. Наваливались друг другу на плечи, иногда по двое и по трое, поднырнув утягивали за ноги, взбивали ногами воду у разинутого рта преследователя, отплывали передохнуть, если, конечно, давали передохнуть...

Мы изменились за десять-двенадцать лет, но и наша река подладилась под нас. Она предоставила нам пару широких стремнин, одолеть которые против течения было бы не по силам и чемпиону; после минуты-другой усилий мы отдавались потоку и облегченно выплывали на мелководе.

Но одну купальню река обустроила для нас с особым тщанием. В широком омуте закручивались угрюмые воронки: кое-где мы с трудом доставали дна. На правом берегу река поставила над водой рыжеватую скалу метров в семь высотой, а на противоположном берегу выстлала маленький пляж с белым, словно просеянным сквозь сито песком.

Позаботившись о нас, река не забыла и деревенских девчонок: на пути к нашей купальне метров за триста она вдруг почти до неподвижности замедляла течение и умеряла глубину: здесь она была по грудь и по плечи купальщицам. С нашей стороны ущелья к речке подступал орешник, на ветках которого сохли их платья и лифчики.

До нашей купальни мы могли пройти и по шоссе, но предпочитали тропу, пробирающуюся сквозь орешник и дальше

через каменистые перекаты к маленькому песчаному пляжу напротив рыжеватой скалы.

Гуськом бредя через орешник, мы слышали над тихой водой девичий смех и оживленные голоса, но стоило им завидеть нас, как они плюхались в воду и погружались по горло, по мочки ушей, и тарасились испуганно. Испуг объяснялся тем, что купались они в рубашках, пошитых мамками из сатина и бязи и мокрая ткань просвечивала насквозь, матово обтекая и притеняя нежные впадины и округлости. Одна только заступница и предводительница купальщиц двадцатилетняя Жужуна, не по возрасту крутобедрая и грудастая, чьи соски сквозь рубашку торчали, как зрелые каштаны, делала вид, что нашаривает на дне булыжник и с двусмысленной ухмылкой увещевала: «Все, мальчики! Насмотрелись и проваливайте! Мы к вам не лезем, и вы не суйтесь!»

Пожимая плечами и не глядя на девчонок, мы шли мимо, но видели все. А Иуза, шепотной бузотер и задира, пялился во все глаза и, разинув рот, сипел свою идиотскую притяжку: «Чай-сахар-бели-хлэб. Чай-сахар-бели-хлэб» – четыре аппетитных русских слова, запавших в него в голодные годы: они неудержимо всплывали в нем в минуты возбуждения и он талдычил их, роняя слюни и похабно вихляясь. Приходилось силком уводить его от девичьей купальни, волоча за локти и толкая в спину.

ВЕНЕРА ДЗИРУЛЬСКАЯ

Она появилась неожиданно. Спустилась по крутой тропе, точнее, сбежала, мелко семеня и раздувая яркую широченную юбку. Пересекла шоссе и, хватаясь за запыленный кустарник, ступила на скалу, нависающую над нашей купальней.

Удобно устроившись на выступе скалы, она вытряхнула камешки из сандалий и с улыбкой спросила:

– Как вода, мальчики?

Ее звали Венера, и это имя шло ей. Тогда мы не знали, что так зовут богиню красоты и любви, когда же довелось узнать, не удивились. Года на

четыре старше нас, она успела закончить школу. В то лето ей было девятнадцать. Девятнадцатилетняя Венера.

Она расстегнула просторную юбку, сбросила ее к ногам и осталась в голубом купальнике, отливающим перламутром. Затем убрала волосы под резиновую шапочку и, осторожно ступая, сошла по каменным ступеням вниз. У нее были поистине античные ноги. Очень по-женски – одновременно неловко и грациозно – она плюхнулась в воду и, морща в улыбке нос, смаргивая капли, спросила:

– Мальчики, вы так и будете жариться?

Мы почувствовали опасность. Мальчишеская твердыня дала трещину. Вымпел свободы над нашей крепостью заколебался. Нежная диверсия – вот чем было появление Венеры в мальчишнике. Обескураженные собственной беззащитностью, мы недовольно заворчали:

– Мало ей места на реке!.. Никуда человеку от них не деться!.. И ведь не прогонишь...

Венера прекрасно плавала. Мы искося посматривали, как, поддавшись течению, она несется вниз по волнам и машет рукой.

– Что же вы, мальчики!

Мы нехотя поднялись с раскаленного песка и как приговоренные бултыхнулись в реку.

Отныне она купалась с нами, изо дня в день расширяя пробоину в крепости, еще недавно казавшейся неприступной.

Отныне мы терпеливо ждали ее и, сражаясь в воде, не упускали из вида свисающую в ущелье тропу, на которой она появлялась. Мы издали замечали яркую просторную юбку. Тропинка была крутая, и Венера против воли сбежала по ней, при этом ее юбка раздувалась как парашют. Она пересекала шоссе, вытряхивала камешки из сандалий и сияла нам ясной победной улыбкой.

– Не пережарьтесь на солнце, мальчики!

И каждый раз одно и то же: она расстегивала юбку, сбросив ее к ногам, представляла перед нами в своем голубом купальнике с перламутровым

отливом. Волосы убирались под шапочку, что в первое мгновение слегка огрубляло ее лицо. И, наконец, сходила по каменным ступеням вниз и ступала в воду, без сомнения, преобразая ее, придавая стремнине и омуту дурман и сладость. И мальчишеский хоровод кружился вокруг нее, как в обрядовом танце...

В свои девятнадцать лет она воплощала цветущую женственность и, любуясь ею сквозь бегущие воды, мы не смели не только не только прикоснуться, но даже приблизиться к ней. Поистине, это походило на языческий обряд. Даже шепотной Иуза не бузил и не похабничал при Венере, словно она снимала с него порчу.

Наплававшись, Венера выходила из воды и садилась на прогретый солнцем скале. Она стягивала с головы резиновую шапочку и встряхивала золотистыми волосами.

Вот тогда-то закипала вода, взбитая саженками и кролем, тогда-то демонстрировались невероятные по длительности нырки и редкие по красоте прыжки со скалы.

А она перебирала свои густые волосы, наклоня голову то на одну, то на другую сторону и изредка говорила тоном строгой учительницы:

– Молодец, Зурико! Ставлю тебе пятерку! Только будь осторожней, тут из-за скалы опасное дно...

Мы приносили ей фрукты – из наших садов и украденные по соседству: отборную черешню, нежнейшие персики, золотистые груши.

– А инжир еще не созрел? – спросила однажды она. – Я очень люблю инжир...

О таком повелении можно было только мечтать. Все инжировые деревья в округе подвергались досмотру в надежде обнаружить хоть один скороспелый плод – ошибку природы: мы забыли, что в наших краях инжир поспеет к осени. Однако, самое удивительно, что в конце концов, кто-нибудь приходил с добычей, молча подносил ее греющейся на солнце Венере и, совершив жертвоприношение, с воплем кидался в реку – этот день был

оправдан!

Но с какой жадностью пожирались предназначенные для Венеры подношения, когда она не приходила на речку! Как жестоко мы топили друг друга в такие дни, как грубо и облегченно сквернословили! Чтобы на следующий день опять с замиранием сердца поглядывать на свисающую в ущелье тропу и ждать, не вздуется ли на ней яркий парашют просторной юбки.

Так продолжалось долгое-долгое лето. Как ни странно, наши отношения (если происходящее между нами можно назвать отношениями) ограничивались рекой и не распространялись за ее пределы. При встрече в селе, на проселочной или у родника, словом на суше, все выглядело иначе, натянуто и неестественно, как свидание при посторонних.

Нас связывала река. Эта связь сохранилась надолго.

Вот и сегодня она напомнила о себе

ГОЛОС И ПРИКОСНОВЕНИЕ РОДЕНА

К годам двенадцати у меня прорезался голос. Отроческий дискант, звонкий и чистый. Помню ни с чем не сравнимое чувство голоса, сверкающего потока, без единой трещины и зазора изливающегося из гортани. Я мог заполнить голосом помещение и даже пространство, мог укротить его до тишайшего *pianissimo*. Природа звука открылась мне задолго до прохождения в школе соответствующего раздела физики. Я не только чувствовал, но видел, как мой голос ударялся о стены и отражался волнами, колебля бахрому занавесок, и вибрировал в не зашпаклеванных окнах. Он был мой, как бы даже частицей меня самого и вместе с тем он был дан мне зачем-то. Дар.

Я не придавал ему значения. Пел в горах, пел на представлениях для дачников с балкона нашего деревенского дома и в соседних деревнях, пел в гостях, когда просили взрослые. Вот уж кого не упрекнуть в легкомыслии! Они взволнованно обступали меня, умиленно восторгались и давали разнообраз-

ные советы, предупреждая, что скоро голос начнет ломаться и надо поостеречься – ведь дар такая редкость...

Тогда же и в силу тех же причин, то есть благодаря своему голосу, я сподобился «прикосновения Родена». Как ни удивительно подобное сообщение не иносказание и не плод фантазии.

Не все знают, что замечательный грузинский скульптор Яков Николадзе больше года проработал в Париже в мастерской Родена, сделал по его эскизам несколько работ и как ученик тесно общался с мэтром. (Об этом времени им написаны воспоминания «Год у Родена»). В пору, о которой я рассказываю мой двоюродный брат Буцу был женат на Майе, младшей дочери Николадзе. Их сын Гурам и сегодня возглавляет музей деда, выпестовавшего плеяду грузинских скульпторов. Таким образом классик сделался нашим родственником. И в один из нечастных родственных визитов было решено продемонстрировать престарелому скульптору мои вокальные способности.

Как сейчас вижу перед собой маленького тщедушного старика с худым, пожалуй, даже изможденным лицом, пергаментной морщинистой кожей и бородкой-буланже; в костюме-тройке коричневого цвета, со свисающей из жилета серебряной цепочкой; запомнился окружавший его как аура густой и мягкий запах отличного одеколона с экзотическим оттенком то ли ванили, то ли сандала.

По просьбе родни я спел свою коронную «Санта Лючию», да еще по-итальянски. Дескать, и мы не ногой сморкаемся – знай наших! Уж и не помню, где я подхватил мнимо итальянские слова: «Сультаре лючико, лястро де аргенто...» – и дальше в том же роде.

Старик слушал доброжелательно и серьезно, без тени улыбки. Когда мальчишеский дискант взмывал вверх, его брови тоже приподымались, бороздя лоб глубокими складками. Но вот я кончил. Не вставая со стула, он взял меня за плечи – удивительно бережно и

твердо (у тщедушного старика были сильные руки скульптора – вот оно, прикосновение Родена!). «Ты не совсем правильно произносишь итальянские слова, – сказал он. – Слушай внимательно!..» И запел сам – шатким, дребезжащим тенорком, тщательно артикулируя...

Потом мы пили чай, и Николадзе посоветовал моим растроганным родственникам связаться с хорошим педагогом по вокалу и побережь мой дар.

Однако необходимость в хлопотах, обучении и предосторожностях отпала сама собой.

Виной тому трофейный «Тарзан».

Кто видел этот голливудский блокбастер предвоенных лет, наверняка помнит знаменитый клич Тарзана, срывающего на помощь своих лесных друзей или предупреждающего об опасности: это был дикий, мощный вопль, перекрывавший шум водопада, украшенный точнее, прорезанный двумя резкими горловыми руладами.

Так вот: на беду дарованному мне голосу и на радость друзьям я в точности воспроизводил вопль; если откровенно, у меня получалось даже получше, чем у Тарзана. К тому времени мой отроческий дискант стал грубеть, в тембре появились мужественные оттенки, что же до рулад, то ломающемуся голосу они давались особенно легко.

Теперь представьте жаркое южное лето, деревню на склоне лесистого ущелья, увитые лианами деревья, петляющую между скал речку с валунами, похожими на купающихся бегемотов, и дочерна загорелых полуголых мальчишек... Могли ли я удержаться от тарзаньего вопля! Он сделал меня кумиром, вождем, предводителем, вознес на вершину мальчишеской иерархии. Он изменил привычную деревенскую жизнь, привнес в нее элемент волшебства: казалось, ущелье Дзирулы превратилось в Африку, а в каштановых лесах на склонах гор завелись слоны и обезьяны. Ради такого преобразования я не щадил себя. Но мальчишеское горло в четырнадцать лет не луженое – голосовые связки не выдержали.

То, что осталось в лучшем случае годится для тесного «междусобойчика» или нетрезвого застольного хора.

А был ли голос? Был. Благодаря ему я через старческие руки Якова Николадзе сподобился прикосновения Родена.

ШКОЛА

Послевоенный Тбилиси был раза в три меньше нынешнего. Он только нащупывал направления, по которым станет застраивать пригородный ландшафт, неузнаваемо преображая окрестные взлобки, впадины и нагорья. Направление в целом диктовала Кура, в черте города текущая с Запада на Восток.

На правом берегу Куры, спускаясь к старому городу, утопает в зелени Сололаки. Уютно спланированный, с доходными домами столетней давности и роскошными особняками армянских богачей, он остается самым фешенебельным районом Тбилиси, по сей день выигрывая конкуренцию у новомодных Ваке и Сабуртало. Ограниченный скалистыми краями, он силится вползти на склон Святой горы, но, не дотянув до Пантеона, сдается. Здесь мемориальных досок на стенах больше, чем во всем остальном городе, а прохладные подъезды приветствуют гостя благозвучной латынью – SALVE!

В маленьком Париже, как мнит себя послевоенный Тбилиси, этот район воплощает собой дуэт Сен-Жерменского предместья с Латинским кварталом: кроме богатых особняков и кованых, узорчатых оград в нем много учреждений культуры и учебных заведений. Только на нашей улице насчитывалось пять школ – две музыкальные и три общеобразовательные, в том числе моя родная 3-я мужская, в двух шагах от дома.

На фронте занимаемого ею здания по сей день читается сбита надпись: «Техническое училище Манташева. 1910-1911».

В начале минувшего столетия имя Леона Манташева гремело по всей России. Сказочно разбогатев на бакинской неф-

ти, он стремительно ворвался в число богатейших людей империи. Во многих городах, включая обе столицы, сохранились его дворцы и особняки. В советские годы в них располагались посольства, клубы и научно-исследовательские институты. Москвичам знаком замок напротив гостиницы «Советская», стилизованный под позднее барокко. В его узорные ворота вплетен вензель с манташевскими инициалами – Л. и М. Флигели замка служили конюшней для породистых манташевских лошадей, а приобретенное для них обширное поле со временем стало Центральным московским ипподромом.

Училище для подготовки своих кадров Манташев отгрохал с той же широтой и размахом. Парадная дверь циклопических размеров с натугой пропускала к лестничному маршу из базальта и мрамора. Выше лестница изящно раздваивалась, мраморные перила сменялись дубовыми; восхождение завершалось актовым залом с тремя окнами под стать циклопической двери.

Все остальное в большом каменном строении отличалось той же добротностью и внушительностью – классы, коридоры, кабинеты... Даже директор школы, в которую я поступил в год окончания войны, соответствовал манташевскому интерьеру.

До войны школу возглавлял «легендарный Сумароков» – под таким именем сохранило предание выдающегося представителя советской макаренинской педагогики. В разгар войны Москва поручила Сумарокову организацию летного училища в Закавказье – в помощь фронту. Задание государственной важности он выполнил блестяще.

Оказалось, что пока мы набирались знаний, замечательный старик доживал свой век в двух дальних комнатах манташевского училища, выходивших во двор и наглухо отгороженных от учительской.

Кончина Сумарокова в середине 50-х собрала его выпускников со всего Союза. На подходе к школе сумрачным предпринимчивым днем нас встрево-

жило скорбное скопление мужчин перед циклопической дверью: в памяти еще жили война, похоронки, смерть вождя. Мы растерянно переглядывались, пока седая завуч не объявила срывающимся голосом: «Ребята, расходитесь! Уроки отменяются. Умер наш Сумароков...»

Мне так и не довелось увидеть «легендарного Сумарокова», зато я хорошо запомнил директора школы послевоенных лет; его звали Шалва Дмитриевич Бзикадзе. Он никак не соотносился с макареновской педагогикой, но на редкость гармонично вписывался в роскошный манташевский интерьер, можно сказать, довершал его. Немолодой красавец, статный, чуточку склонный к полноте, с крупной, наголо бритой головой, он обычно прохаживался по площадке второго этажа, строго поглядывая из-под соболиных бровей. Тщательно одетый, даже франтоватый, время от времени он вынимал изо рта темно-вишневую трубку и негромко ронял замечание, от которого все вокруг обмирало. Его робели не только ученики, включая старшекласников, но и учителя. Помню и на себе его тяжелый взгляд и оброненное сквозь зубы: «Не бегай».

Пройдет немного времени и на смену франтоватому красавцу придет Георгий Александрович Корсавели, человек совсем иного склада: живой, азартный, остроумный. Своей энергией и незаурядностью он приглушит достоинства манташевского интерьера, отодвинет их на второй план, а на передний выдвинет свободу – свободу познания, свободу общения, свободу слова.

В самом начале 50-х годов на территории 3-й мужской школы случилась история, точнее сказать – разыгралось событие, отозвавшееся через много лет. Во всяком случае, родственное сходство событий, разделенных сорока годами, не вызывает сомнения. Разница в масштабе, но при сопоставлении схожих явлений ученые давно пользуются методами моделирования: чтобы изучить свойства электричества, не обязательно возводить ДнепрогЭС, а дрозодилы позволяют микробиологам за сут-

ки проследить все этапы жизни – от зарождения до смерти.

В восприятии коренных тбилисцев 3-я мужская была лучшей школой в городе. Она славилась как экстерьером и интерьером, так и уровнем обучения. Однако, в школе имелась достопримечательность, известная только своим. Чтобы узнать о ней, необходимо было пройти через ворота (справа от парадного входа) и, обойдя все большое здание, выйти к скалистой круче на заднем дворе. Там по сей день глазам предстает необычное зрелище: из скалистого крутосклона на высоте сорока метров выступает черная отполированная труба, ее толщина в диаметре сантиметров двадцать, материал – легированная сталь. Описав длинную плавную дугу и немного не дотянув до школьного двора, труба уходит в землю.

Подарок судьбы! Бесценная мальчишеская забава! Кому-нибудь могло прийти в голову, что ее, как и школу, завещал нам нефтяной магнат, богач и мистификатор. Но наша труба не имела отношения к перекачке нефти (к которой Манташев приложил-таки руку – наряду с Нобелем, Рокфеллером и Гарриманом). Наша труба была проложена в новые времена, в пору социалистического образования Тбилиси, и через нее текло не вязкое «черное золото», добытое потом бакинских нефтяников, а журчала чистейшая вода окрестных ключей: прижавшись к трубе, мы слышали ее родниковое воркование, а охлажденная изнутри сталь не раскалялась даже под тбилисским солнцепеком. Чем мы заслужили такой подарок? Разве что город по доброте вмешал нам трудное детство...

По утрам мы до занятий спешили в школу и, побросав портфели и ранцы, карабкались по крутосклону. Добравшись до карниза, над которым из скалы высывалась труба, мы сели на нее. Сначала удавалось удержаться на трубе верхом, но дальше гладкая, натертая до блеска сталь перекручивала седока и скольжение продолжалось в обнимку с трубой; так мы и съезжали, обхватив ее ру-

ками и ногами. Наши усилия отполировали трубу до блеска, так что спуск с горы превращался в сплошное удовольствие.

Старшекласники трубой пренебрегали, первоклашки побаивались, остальные же не знали удержу и до начала занятий раз по пять съезжали со скалы.

И вот однажды возле трубы появились двое взрослых юнцов. Подтянув протертые штаны, они по-хозяйски уселись на траве, закурили и, небрежно пуская струйки дыма, сообщили, что отныне за проезд по трубе придется платить. Мы слушали, развесив уши, поникшие и озадаченные. Кто-то поинтересовался, сколько будет стоить проезд. Названная цена равнялась стоимости булки в школьном буфете, или двум стаканам киселя. Юнцы проявили не только хватку и наглость, но и знание детской психологии: важно покуривая, они сообщили, что спуск по трубе может быть оплачен в кредит – срок кредита три дня, а для детей погибших фронтовиков предусматривается льгота. Тем, кто оказался на скале без гроша в кармане, разрешалось в последний раз воспользоваться трубой и съехать бесплатно: «За счет заведения», – осклабился один из них.

Чистые души, наивная поросль советской эпохи, мы молча выслушали юнцов и полезли в карманы пересчитывать наличные медяки, а я так даже обрадовался, что оказался в числе льготников...

Давнее событие на горе за школьным двором нуждается в толковании.

Мог ли кто-нибудь тогда подумать, что мы, словно куклы в манташевском вертепе, разыгрываем притчу о будущем страны! – то, что случится через сорок лет, в начале 90-х! Сценарий был немногословный и жесткий: наглый захват т р у б ы, бесцеремонная жадность юнцов-реформаторов, робкое молчание ягнят...

Зверь наживы под пальбу и улюлюканье изгнанный из страны, вернулся в сопровождении гиен и шакалов, и мы безвольно расступились перед ним.

«ПОЧЕМУ ЭТО РЯДОМ – ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ?»

■ **Инна БЕЗИРГАНОВА**

На сцене Тбилисского театра им. А. Грибоедова состоялась премьера документальной драмы «Чернобыльская молитва» по книге (ее называют полифоническим романом-исповедью) белорусской журналистки и писательницы, лауреата Нобелевской премии по литературе Светланы Алексиевич.

Весной мы наслаждались игрой прекрасных артистов Ксении Раппопорт и Алексея Серебрякова в спектакле «Эйнштейн и Маргарита» Александра Гельмана (гастроли прошли на сцене театра им. А.С. Грибоедова), в котором «в упаковке» мелодрамы были подняты проблемы глобального масштаба, затронута тема ответственности человека в роковые для мировой истории времена. Особенно если человек этот – гениальный ученый-физик, сыгравший косвенную роль в создании атомной бомбы. О последствиях ее применения

в Хиросиме и Нагасаки знает каждый человек, мало-мальски интересующийся историей. А сегодня мир снова в страхе наблюдает за взаимными угрозами государств, обладающих ядерным оружием. Ведь оно до сих пор не запрещено, несмотря на чудовищный опыт человечества. В спектакле «Эйнштейн и Маргарита» отчетливо звучит предупреждение тем, кто недооценивает опасность до поры до времени «мирного» атома или преступно равнодушен к судьбам мира. (Кстати на эту же тему английский драматург Майкл

Фрейн написал пьесу «Копенгаген» – о встрече двух великих физиков XX века Нильса Бора и Вернера Гейзенберга, ее поставил на сцене БДТ им. Г. Товстоногова Темура Чхеидзе).

Такой же смысл заложен в спектакле «Чернобыльская молитва». Конечно, здесь идет речь не об угрозе ядерной войны, но затрагивается другая не менее важная тема: опасность безответственного отношения к ядерной энергии – к использованию «мирного» атома, который «может принести человечеству даже больше проблем, чем ядерное оружие» (таково мнение физика Андрея Ожаровского) – из верного друга человека в одночасье превратиться в его лютого врага.

Создавая свое документальное свидетельство, Алексиевич опросила более 500 человек – пожарных, ликвидаторов, врачей, рядовых граждан. Мы же видим на сцене театра имени

Грибоедова шесть историй – шесть женщин, прошедших через ад последствий Чернобыльской аварии.

Когда я узнала, что в репертуаре театра появится документальная драма по книге Светланы Алексиевич, возникло двойственное чувство. Подумала: зачем сегодня, когда в мире и так столько негатива, ворошить прошлое и возвращаться в жуть тех дней сорокалетней давности? Тем более что представители моего поколения и старше хорошо помнят испытанное потрясение, когда выяснились подробности аварии. То же чувство отчуждения родилось у меня и в зале, когда спектакль только начался. С первых слов, произнесенных актрисой Наталией Воронюк, появился ком в горле, и захотелось куда-нибудь убежать – в зону комфорта. Это ведь часто так случается, когда мы сталкиваемся с бедой – своей, чужой: первое желание – уйти от проблем, страданий. Уйти в тишину, в покой, в нейтральность.

Но такое чувство было лишь в первые мгновения! Вскоре все встало на свои места – и я поняла, почему молодой одаренный режиссер Ника Чикваидзе обратился к этой истории, хотя мог бы поставить что-нибудь в легком жанре. Потому что «ко всему подлец человек привыкает», если процитировать Мармеладова из «Преступления и наказания». Я бы добавила: и все-то подлец-человек забывает. Забыли и Чернобыльскую аварию, и аварию на АЭС Фукусима-1 в Японии. Не хотим помнить бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Человеку свойственно забывать. Может быть, в чем-то это и хорошо – залог психологического выживания. Но далеко не всегда, не во все времена. Иногда нужно помнить и напоминать, если забыли. Что и сделал Ника Чикваидзе, выведя на сцену шесть актрис Грибоедовского театра. Шесть замечательных актрис. Мы все помним, как они (тогда это были Людмила Артемова-Мгебришвили, Анна Николава, Мария Кития, София Ломджария, Инна Воробьева, Наталья Воронюк, Нина Кикачеишвили) с блеском выступили в документальной драме о репрессиях «А.Л.Ж.И.Р.» в поста-

новке Авто Варсимашвили, заслужив награду от Театрального общества Грузии – приз имени Верико Анджапаридзе. И вот новый успешный опыт в этом жанре. Посмотрев несколько лет назад премьеру «А.Л.Ж.И.Р.», я испытала чувство гордости за наших актрис. То же самое произошло сейчас, на спектакле «Чернобыльская молитва».

Наталия Воронюк, Нана Дарчиашвили, Карина Кения, Инна Воробьева, Анна Николава, Нина Калатоцишвили выступают со сложнейшими, эмоционально насыщенными монологами и работают с огромной самоотдачей, полностью перевоплощаясь в своих героинь. Существуют по законам психологического театра в сгущенной реальности, созданной Никой Чикваидзе. Режиссер вместе с художником Теей Кухианидзе помещает «чернобыльских» женщин в условное, лаконичное пространство – на сцене некое разрушенное здание (скорее, даже остов здания с пустыми глазницами окон, с казенными стульями слева и справа – как в учреждении). В спектакле активно используются световые, дымовые эффекты, звуковые акценты (вой сирены, запись голосов, по телефонной связи комментирующих создавшуюся чрезвычайную ситуацию, радиосообщения), предметы, имеющие значение символов (цветы, игрушки), видеоряд – фрагменты новостных телепрограмм тех лет). Все названное

лишь усиливает те психологические, личностные трагедии, которые несут со сцены участницы спектакля в своих исповедях. Эти женщины – на грани срыва. Происходит разрушение их психики, физики – разрушение личности. Спектакль Чикваидзе – о том, «как маленькая жизнь беззащитна в великое время» (название одного из монологов Алексиевич).

Через все действие проходит история женщины, которую играет Наталия Воронюк. Это главная тема спектакля, которую можно сформулировать так: любовь – смерть. Остальные истории словно нанизываются на эту «нить».

Наталия Воронюк рассказывает свою горькую историю любви и смерти просто, беспардонно, иногда даже с полуулыбкой – тем сильнее воздействует на зрителей. «Я любила, любила, любила!» – как заклинание произносит она – жена погибшего ликвидатора, проявившая невероятную самоотверженность: женщина не оставила любимого в больнице, до конца была с ним... Рискуя жизнью и родив потом больную девочку, прожившую всего несколько дней.

Мы видим, как внутренний ужас души «чернобыльских» женщин щупальцами отчаяния, обреченности. Они пытаются сопротивляться этому, избежать распада психики, и возникают странные импульсы – как у героини Инны Воробьевой – мамы

сына-«светлячка». Она судорожно зажигает одну спичку за другой, обжигая пальцы – а они тут же гаснут, гаснут... Света нет и быть не может – как и надежды. Героиня Воробьевой произносит в чем-то абсурдные слова: «Мы не думали, что смерть может быть такой красивой» (это о горящем ядерном реакторе!), «В наше сознание еще не укладывалось, что мирный атом может убивать... Что человек бессилён перед законами физики...», «Моя жизнь – всего лишь сон – а я всего лишь зритель...» Видеоряд вспыхивает на экране словно яркое видение, возвращая женщину в безмятежное, счастливое время «до» аварии. Она ходит в церковь, читает Евангелие. «Потому что только там говорят о вечной жизни».

Героиня Нины Калатошивили – «книжная» девушка. Она пытается анализировать причины свалившейся на нее беды, но приходит к страшному выводу, что «если ученые ничего не знают, мы поможем им своей жизнью и смертью». Актриса не только на вербальном уровне, но и в пластике передает отчаяние, загнанность своего персонажа, необратимые изменения,

которые в ней происходят – тщетно пытается сбросить с себя платье (оболочку), словно желая освободиться от ужаса пережитого. Не получается. «Почему я не могу быть счастливой?» – обращает она к зрителям и к самой себе вопрос. Жгучий. Риторический. Не может – и точка. Все эти женщины (как и мужчины) – жертвы той катастрофы, «отдельный черновыльский народ»... «Что-то не так, что-то поменялось. Насовсем».

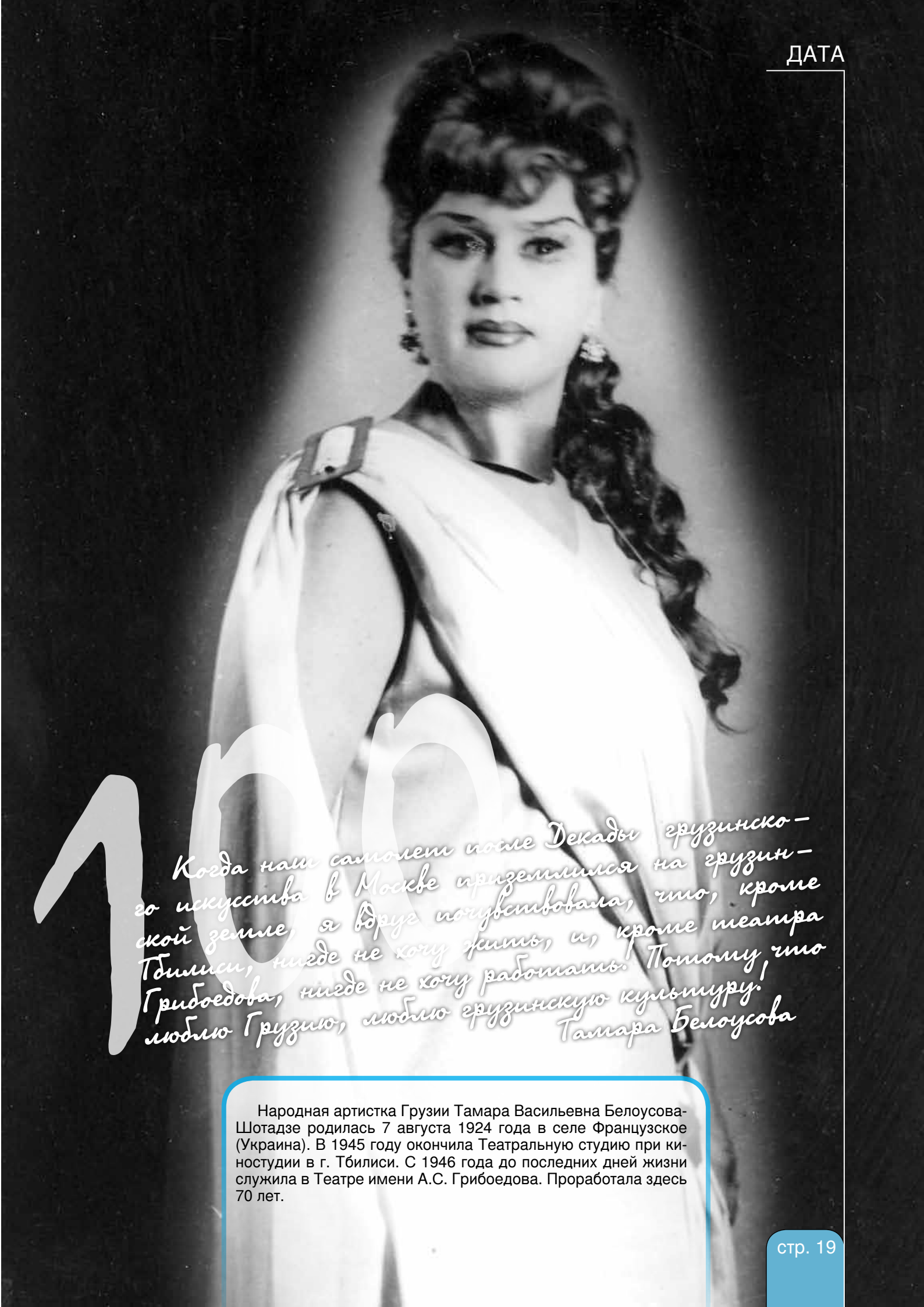
Не покидает радиационную зону старушка – героиня Карины Кения, буднично рассказывающая страшилки из своего «черновыльского» прошлого и настоящего. «Поговорить можно не только с живыми, но и с мертвыми», – считает женщина, не вполне осознавая, где она, собственно, находится – в какой реальности? Грань между жизнью и смертью словно стерлась для нее.

Вызов, обвинение тем, кто стал причиной Чернобыльской аварии, – яростный монолог Анны Николава. «Когда-то я заговорила героям! Я не хочу становиться частью истории! После нас останется один Чернобыль, он останется вместо нас». Жен-

щина мечется, пытается справиться с душевной болью, время от времени опуская голову в ведро с водой. Хочет забыться, спрятаться от ужаса реальности, спасти свой воспаленный мозг, но психика «черновыльцев» не поддается оздоровлению... Металлическое ведро, словно тиски, еще сильнее сдавливает ее сознание.

Настоящий ужас переживает (и мы вместе с ней!) героиня Наны Дарчиашвили – мать ребенка, родившегося «в панцире». Конечно, это последствие все той же катастрофы. Но она из последних сил борется за свое дитя... Мужественно, вопреки всему. Невозможно сдерживать слезы, когда актриса выплескивает в зал свое беспомощное отчаяние!

А в чем надежда, спрашивается? Наверное, в том, с чего и начинается спектакль: в любви. «Я любила, любила, любила...» – как заклинание произносит героиня Н. Воронюк, словно светясь изнутри. Но... «Почему это рядом – любовь и смерть? Всегда они вместе. Кто мне объяснит?».

Когда наш самолет после Декады грузинско-го искусства в Москве приземлился на грузинской земле, я вдруг почувствовала, что, кроме Тбилиси, нигде не хочу жить, и, кроме театра Грибоедова, нигде не хочу работать. Потому что люблю Грузию, люблю грузинскую культуру.

Тамара Белоусова

Народная артистка Грузии Тамара Васильевна Белоусова-Шотадзе родилась 7 августа 1924 года в селе Французское (Украина). В 1945 году окончила Театральную студию при киностудии в г. Тбилиси. С 1946 года до последних дней жизни служила в Театре имени А.С. Грибоедова. Проработала здесь 70 лет.

Шефы Лука Тодуа и Торгва Гогочури

МАСТЕР-КЛАСС ПОД ЗОНТИКАМИ

Кетеван МГЕБРИШВИЛИ

В День независимости Грузии на проспекте Руставели в Тбилиси традиционно прошли народные гуляния. Среди десятков праздничных мероприятий особый интерес горожан вызвал мастер-класс ведущих шеф-поваров Грузии по приготовлению блюд национальной кухни. Под открытым небом, рядом со зданием Национального музея Грузии, была установлена огромная сцена, в левой стороне которой стоял роскошно сервированный стол с хрустальными бокалами, эффектными канделябрами, элегантными салфетками. Со стеклянных ваз живописно свисали грозди розового винограда...

Посередине сцены стоял другой, более длинный, стол с кухонной утварью и электрической плитой. Именно здесь шефы творили свои изысканные блюда, параллельно рассказывая публике, как нужно обрабатывать тот или иной ингредиент. Кулинарный перформанс длился на протяжении пяти часов, повара сменяли друг друга каждые полчаса. Действо было настолько захватывающим, что

зрители не боялись промокнуть и терпеливо стояли с зонтиками под проливным дождем. Мне посчастливилось наблюдать за работой трех шефов. Сначала на сцену вышел Сосо Джабанашвили, он представил зрителям хорошо известный чанахи с «освоенной визуализацией». Пока он нарезал продукты, оператор, облаченный в черный плащ, снимал процесс работы шефа и на экране позади сцены

зрители могли следить за приготовлением блюда. Согласно информации, опубликованной на сайте Джабанашвили, он имеет десятилетний стаж работы шеф-поваром. Выпускник первого потока Кулинарной академии Грузии на протяжении своей карьеры работал во многих ведущих гостиницах страны. На данном этапе работает в ресторанах GMT Group, одновременно руководит ресторанами «Puri Guliani» и «Rigi Gastrodouqan». Сосо – финалист чемпионата Bocuse d'Or Georgia (Международный конкурс Bocuse d'Or основан в 1987 году знаменитым шеф-поваром Полем Бокюзом, является ведущим гастрономическим состязанием в мире. В нем принимают участие команды шеф-поваров из разных стран. В каждой стране проводится предварительный отборочный тур, который выявляет будущих участников соревнования). В 2023 году известный французский путеводитель Gault&Millau Georgia удостоил Сосо Джабанашвили титула «Лучший молодой шеф-повар года».

Сосо сделал пюре из овощей, которые употребляются в чанахи, а также подготовил соус из красного вина, очень хорошо, по его словам, сочетающийся с бараньими ребрышками. «Чанахи – традиционное грузинское, кахетинское блюдо, все мы знаем, что его готовят в горшочках. Но мы, молодые шефы, считаем, что нужно придать традиционному методу приготовления более современный вид. С этой целью используем разные кулинарные технологии и сезонные продукты», – отметил он. По словам Сосо, для мастер-класса он выбрал чанахи потому, что лето отличается обилием свежих овощей и при приготовлении можно вдоль употребить зелень, спаржу, молодой картофель. Нужно начать с обжарки ребрышек, которые предварительно подготовлены в аппарате «су-вид» (от французского словосочетания «sous-vide», что означает «под вакуумом»; продукты помещаются в пластиковый пакет с откачанным воздухом и медленно готовятся при невысокой температуре). С помощью этого аппа-

Сервировка стола на сцене, где проводился мастер-класс

рата можно хранить любые овощи, фрукты или мясо и доводить их до желаемого уровня готовности. Основное преимущество этой технологии заключается в том, что текстура, визуальные свойства продуктов лучше сохраняются, при подаче к столу блюдо выглядит очень красиво. «В данном случае к бараньим ребрышкам мы в вакууме добавили розмарин, сливочное масло, чеснок, соль и перец. Приступаем к обжарке ребрышек, затем перейдем к обжарке гарнира. Далее – разогреем соус. Последним штрихом будет сервировка. Нам нужно хорошо подрумянить мясо со всех сторон, а чтобы оно стало более золотистым и вкусным, можем положить в сковороду сливочное масло. Не стоит экономить на сливочном масле, так как оно очень хорошо сочетается с мясом и делает его вкусным». По словам Сосо, мясо после обжарки нельзя нарезать сразу, нужно обязательно дать ему «отдохнуть», так оно получается более нежным и сочным. Затем можно перейти к приготовлению гарнира: в постном масле обжарить шарики, вырезанные из молодого картофеля, добавить соль, перец. Молодой картофель предварительно обварен, и его лишь следует довести до золотистого цвета. Далее добавляются головки спаржи, которая также заранее обварена, на этом приготовление гарнира завершается. «Я рас-

скажу вам о соусе из красного вина. Существует очень много его вариаций, я приготовил соус из глинтвейна, сделал редукцию красного вина, после чего получилась такая желатиновая масса, которую на невысоких температурах можно довести до консистенции соуса. Сейчас подогреем соус и начнем сервировать». Оператор крупным планом показал аудитории тарелку с чанахи, зрители наградили шефа бурными аплодисментами. Джабанашвили поблагодарил гостей за теплый прием, сделал короткий комментарий для журналистов, надел куртку и уступил место своим коллегам.

Первый из них, Лука Тодуа, запомнился широкой аудитории по нашумевшему шоу Первого канала «Мастер-шеф», в котором он участвовал в 2020 году и где постоянно удивлял членов жюри своим умением вывернуться из любой, самой сложной, ситуации. Как отмечено в его резюме, к 18 годам он уже совершенствовал свое мастерство под руководством шведского шеф-повара Якова Ловина. В поисках кулинарного совершенства посетил Италию, Англию и Испанию. В 2023 году Gault&Millau Georgia удостоил его титула «Лучший молодой шеф-повар года». Лука работал в заведениях, отмеченных звездой «Мишлен» (престижная награда от инспекторов самого влиятельного ресторанный рей-

тинга в мире), и историческом отеле Pomme D'Or. Он не только мастер своего дела, но и хороший рассказчик, что и проявилось во время мастер-класса. Лука отметил, что грузинская гастрономия является визитной карточкой страны, и для него большая честь представлять традиционное тбилиское блюдо чахохбили вместе с шефом Торгвой Гогочури. Тодуа коротко рассказал о себе: «Я основатель компании Gastronomy Union, она предоставляет консультации различным ресторанам. На сегодняшний день мы осуществили успешные проекты как внутри страны, так и за ее пределами, в Мадриде и Монако. Кроме того, с июня текущего года рад принять вас у себя, в собственном ресторане».

Торгва Гогочури, шеф и кондитер, был участником Bocuse d'Or Georgia, работал в престижных ресторанах и гостиничных сетях Грузии, также был приглашенным лектором и ведущим мастер-классов. Имеет опыт работы с шеф-поварами, отмеченными звездами «Мишлен». Принимал участие во многих кулинарных шоу. Сейчас работает шеф-поваром в отеле

Шеф Сосо Джабанашвили

«Параграф», что на площади Свободы.

Лука подчеркнул, что их блюдо – не совсем обычное, всем хорошо известное чахохбили. Они с Торгвой решили использовать в приготовлении различные современные техники. По словам Торгвы, они постарались оставить доминирующими основные ингредиенты чахохбили, но также включили сезонные продукты и элементы, которые, по их мнению, подошли бы блюду. Лука поделился со слушателями многими кулинарными секретами, в частности, научил, как быстро приготовить маринад. «Этот метод называется «3-2-1»: 300 грамм воды, 200 грамм уксуса и 100 грамм сахара. Мы заранее подготовили продукты, необходимые для чахохбили, эту массу измельчаем в блендере вместе с различными ароматными травами, а также добавим эстрагон для более насыщенного грузинского вкуса. Кстати, мы используем наш родной, кахетинский уксус». Пока Торгва готовил продукты для маринования, Лука нарезал помидоры черри в форме полумесяца, он пояснил, что подобный способ нарезки овощей в профессиональной кулинарии называется веджисом. «Вот мы и получили брайн, то есть рассол, он у нас с пряностями. В него также можно добавить другие компоненты – эстрагон, кориандр, петрушку». Он по-

казал зрителям новый компонент, который они добавили в чахохбили – морель гриб, (по-грузински «цхварис пашва»), это местный гриб, который используют летом. Шеф подчеркнул, что они решили внести в блюдо компоненты, связанные с грузинским этносом и ароматами. Несмотря на то, что чахохбили считается тбилисским блюдом, общеизвестно, что Тбилиси – город, объединяющий множество культур. Поэтому можно использовать разные ингредиенты, подчеркивающие этническое многообразие столицы.

Лука с Торгвой пошутили, что сегодня на рынке сложно найти фазана: «Извините, мы не подстрелили фазана, уж очень он быстро бегал, не смогли его догнать!» (Изначально чахохбили готовили из фазана – по-груз. «хохоби», отсюда и название блюда). Чахохбили обычно готовят из курицы, но, так как современная гастрономия требует от поваров новаторских решений, они использовали местного перепела. Однако, поскольку грузинский перепел отличается сравнительно меньшим объемом белка, шефы добавили в блюдо массу баллотина (измельченное в блендере куриное мясо). Впрочем, Торгва подчеркнул, что не имеет значения, какое мясо будет использовано для приготовления баллотина, это может быть как курятина, так и баранина, и говядина, и т.д. Пропорции сле-

дующие: на 300 грамм куриного филе нужно 400 грамм сливок и яйцо. Сливки и яйцо связывают массу и получается единая текстура, которая после термической обработки становится однородной, сочной массой. Ее добавили в чахохбили для того, чтобы белковая структура была более насыщенной. На разогретой сковороде поджарили грибы, затем добавили спаржу, привезенную из Имерети. Под конец в сковороду бросили кусочек сливочного масла, Лука сказал, что оно обладает теми вкусовыми качествами, которые, в случае правильной термической обработки, придают продукту неповторимый аромат: «Любая хозяйка знает, что сливочное масло содержит большое количество белка, поэтому, если в какой-то момент при термообработке оно у вас «убежит», то станет сначала коричневым, затем черным. В данном случае, чтобы сохранить спаржу свежей, мы сначала использовали постное масло, которое нагрелось до определенной температуры, а уже потом добавили сливочное масло, чтобы оно не подгорело». После того, как овощи были поджарены, шеф Торгва начал придавать спарже форму, чтобы она красиво лежала на тарелке. «Одно дело, как вы готовите блюдо, а другое – как вы его подаете к столу. Сначала человек воспринимает кушанье визуально, а затем пробует», – отметил шеф. Под занавес мастер-класса Лука отметил, что хотя наша страна на протяжении своего существования перенесла множество невзгод, она сохранила традиции своей кухни: «Я работал в нескольких европейских странах, ресторанах, которые входили в список 50 лучших заведений Европы, и могу с гордостью сказать – когда я говорил, что родом из Грузии, везде видел восторг в глазах иностранцев. Не имело значения, кто передо мной – итальянец, испанец или британец, все они знают о высоких гастрономических традициях Грузии».

В статье использованы фото с личных сайтов Торгвы Гогочури и Сосо Джабанашвили.

ОРЕНБУРГ-ТБИЛИСИ И ОБРАТНО

■ **Нина ШАДУРИ**

Так совпало, что буквально накануне концерта к 100-летию Булата Окуджавы в Тбилиси, в Грузию приехал писатель, бард, краевед Владимир Горячок. И пришел в «Русский клуб» – познакомиться и пообщаться. Возможно ли было не воспользоваться случаем и не пригласить его к участию в юбилейном вечере? Совершенно невозможно. Сама судьба способствовала и нашему знакомству, и выступлению Владимира (весьма, надо сказать, успешному) в концерте «На любовь свое сердце настрою», и, конечно, этому интервью.

– Нас свел, можно сказать, случай. А какова вообще роль случая в вашей судьбе?

– «Случайность есть явление проявления и дополнения необходимости». Соблюдаю это философское определение.

– На юбилейном вечере вы исполнили малоизвестное стихотворение Булата Окуджавы на свою музыку. Что для вас значит творчество Булата Шалвовича?

– Окуджаву чу с той поры, как взял в руки гитару, а это с 5-го класса средней школы. «Простите пехоте» – с этой песни все и началось. В армии пришлось хоронить однополчан под эту мелодию. Я служил в полковом оркестре в Туркмении, в Байрам-Али,

на месте съемок «Белого солнца пустыни»... Мне особенно дорого в образе Окуджавы то, что Высоцкий считал его своим духовным отцом. В своей книге «Родом из детства» я делаю на этом акцент, поскольку у Владимира Семеновича не ладилось ни с родным батей, ни с отчимом... У Окуджавы есть стихи, посвященные нашему Бузулукскому бору. Мы, оренбуржцы, постарались, чтобы хотя бы одна улица нашего города звалась его именем. И это удалось осуществить в одном из пригородов Оренбурга, в поселке Экодолье. Там по соседству сошлись улицы еще двух наших бардов: Высоцкого и Визбора... Я хорошо знаю свой край. И не

мог не обратить внимания, что в простую оренбургскую среднюю школу из года в год приходили письма и книги лично от Булата Шалвовича. Дело в том, что та невеликая школа под номером 24 создала Музей армянской культуры. Еще в докомпьютерный период сотрудники, под руководством директора Музея, нарисовали родословное Древо, в ветвях которого проследили жизнь великого поэта Ваана Терьяна, умершего в Оренбурге. На одном из обширных побегов оказался его внучатый племянник – Окуджавы! Началась переписка, взаимные подарки, обмен информацией. Но Булат не приезжал, хотя и были приглашения со стороны местной армянской диаспоры. Я держал в руках письма Окуджавы, видел его автографы на дарственных книгах... К сожалению, после смерти хранительницы музея именно эти реликвии нашего великого друга и наставника исчезли.

– Очень жаль... А что вас привело в Тбилиси?

– Выбирал, где буду находиться 9 мая 2024 года. Подразумевал и 100-летие Булата Шалвовича, и День Победы. Кстати, я строго отношусь к чередованию войн. Война 1941-1945 годов – это Третья Отечественная, а Вторая – с 1914-го... Так считали сами ветераны. Моя мама работала в войну на фабрике по изготовлению строп для парашютов. Она первая из нашей семьи побывала в Грузии, а именно в Сухуми, на свадьбе своего брата. С той поры «мы с тобой родня давно...», ведь номинально я – родственник самой Ноны Гаприндашвили, не больше и не меньше! Вторая жена моего дяди Анатолия, Лолита – двоюродная сестра Ноны. Возвращаясь к юбилею Окуджавы, одно дело – чтить Булата Шалвовича в Оренбурге, а другое – за его пределами. Мы много лет, еще при его жизни, проводили вечера песен Булата, а после его ухода – обязательно в день его рождения и смерти. «Мы» – это наше бард-содружество клуба песни «Акварель», который, тогда еще КСП (Клуб самодетельной песни), я создавал с 1976 года. Осознавал, что без меня в родном городе никто не подхватит добрую традицию в этом юбилейном году. Так и оказалось. Потому выбор свелся к Переделкино и Тбилиси. В Грузию меня привели и герои моих писательских поисков. Про-

шло всего 30 лет с той поры, как все началось. Имя героя Первой Гражданской войны Николая Тимофеевича Фокина-Уральского всячески замалчивалось не только в краевой, но и в отечественной историографии. Его внучка и правнук нашлись в Грузии. Расскажу по порядку. После безуспешных попыток отыскать что-либо в справочной литературе и исторических хрониках, я начал поиск очевидцев. Вышел на людей, видевших его арест, вывоз реквизированных вещей. Застал их крестника, учащегося школы, где училась дочь Николая и Евгении, Галина, набрел на след художников, рисовавших его портреты... Поначалу изумлялся – к этому человеку на поклон в гости ходили Ворошилов и Буденный, поскольку именно он, кадровый офицер Российской Империи, под чьим началом была разгромлена Уральская казачья армия, был удостоен всяческих почестей. И он же оказался арестованным, под пытками признавшим свою связь с Японией и в итоге расстрелянным 4 февраля 1938 года. Его мать ездила в Москву, молила о помощи тех же Ворошило-Буденных, но они открестились от всего... Потом пришло осознание всей цепочки

Николай Фокин-Уральский

событий: дважды орденосец Красного Знамени – Герой – Наставник – Номенклатура – Арестант – Оболганный – Обвиняемый – Расстрелянный – Забытый – Вычеркнутый из памяти народной... Его не упоминали ни в одной из литератур. Поначалу это было опасно, потом не актуально, потом никому не нужно, и – снова опасно. Первая моя публикация о нем вышла в 90-е годы в Уральской исторической энциклопедии. Я ходил в КГБ за разъяснением, но они дали лишь отписку о фактах его репрессирования. И не только его жене, Евгении Анатольевне дали 7 лет ИТЛ, но и дочери Галине – 8 лет. Да еще ей «повезло» перед этим сроком попасть в Дахау! Но в ведомстве сообщили важный адрес человека, который, что называется, не успокоился и продолжал поиски истины. Этим человеком оказалась племянница Николая Тимофеевича Валентина Анатольевна Чекунова, жительница поселка Арзгир Ставропольского края, глава района, депутат Верховного Совета СССР. Надо сказать, что у родителей Николая было 10 детей. И у всех состоялась жизнь, были счастливые потомки, и все имеют достойные надгробия. Кроме старшего в семье брата – Николая Тимофеевича, закованного подручными НКВД на Спецтерритории в Зауральной Роще под Оренбургом. Началась переписка с Валентиной Анатольевной, она предоставила архивы. И представьте себе, ни одно из оренбургских изданий не откликнулось на подготовленные мною итоговые статьи! Спустя много лет на меня вышел по Интернету житель Магадана, внучатый племянник Николая Тимофеевича Александр Астахов. Мы взялись за дело уже на пару. И у нас многое получилось в работе с архивами, поездками по местам боев, по встречам с обширной родней героя. Нашлось 118 родственников! На завершающем этапе поисков подключился магаданский друг Астахова Шота Шалвович Айдарашвили, житель столичного района Тбилиси Нахаловка. Он прошел по старым адресам, где жила и работала семья «врага народа». Представьте себе, что одно из мест, по наводке КГБ, называлось: Тбилисский театр им. Грибоедова! У них были сведения, что кто-то из семьи то ли работал там, то ли состоял в труппе. Только благода-

ря Шоте удалось найти родную внучку Фокина-Уральского Елену Магалашвили и его правнука Георгия. Персонально мой путь включал 21 пункт Подорожной карты на 20 дней экспедиции по маршруту: Оренбург-Тихорецкая-Минводы-Владикавказ-Дарьял-Тбилиси-Ущелье-Владикавказ-Новороссийск-Анапа-Пятихатки-Буденновск-Арзгир-Буденновск-Краснодар-Сергиевская-Краснодар-Оренбург. Всюду нас радушно встречали либо Сашины друзья и родственники, либо гостеприимные хозяева. В Тбилиси я оставил пару дружеских посвящений и даже «Попутно-кулинарную» песню (на мотив легендарной «По тундре, по железной дороге») про Тбилисскую Детскую железную дорогу в парке Муштаид с ее уникальным паровозиком Арнольда Юнга 1912 года. Пел ее персонально для начальника этого самого скорого поезда в Детство Автандила Иосебовича Рамазашвили.

В букинистическом развале на Руставели успел помочь книготорговцу по имени Автандил найти следы его родного дяди, пропавшего без вести в Отечественную. Он подарил мне книгу «12 стульев и Золотой теленок». По страницам этой любимой книги я отправился в магазин «8 тысяч вин» в поисках воспетого Ильфом и Петровым сладкого напитка под названием «Кипиани», на период посещения Великим Комбинатором тбилисского ресторана в сентябре 1927 года. Не нашел. Все оказалось прощ. Это вино теперь не что иное, как «Хванчкара», воспетое Олегом Митяевым в песне «Небесный калькулятор». А производит божественный напиток семья братьев Милдиани из сортов винограда Александруоли и Муджуретули в области Рача.

– А как (или благодаря кому) началось ваше увлечение авторской песней? Какое место она занимает в вашей жизни сейчас? – Песня, которая состоит из подлинных чувств, реальных событий, живого отклика на прошлое и настоящее, из любви и ненависти, юмора и сарказма, всего присущего понятию интеллекта, не может не привлекать. Хотя и пришлось выслушать массу тупых и никчемных текстов, но хорошие песни рождались именно в бардовской среде. Разумеется, поводырями в этом море стали Булат Окуджава, Владимир Вы-

соцкий, Юрий Визбор, Вадим Егоров, Евгений Клячкин, Юлий Ким, Борис Вахнюк, Новелла Матвеева, Володя Ланцберг и другие, всех не перечислить. Со всеми из них общался, кроме двух первых. Не без сложностей в 1976 году создавался наш КСП «Акварель». Название клуба предложил я. Оно появилось благодаря двум знаменитым «крестным»: автору стихов Юрию Левитанскому и музыке Виктору Баранову, спевшему на Грушинке эту песню в 1973 году. Виктор мы в свое время чувствовали на своих Именинах именно как Крестного Папу, со всеми причиналами в виде горностаевой мантии, клобука и трона! Время было пробивания стен, а за стенами оказывались соседние камеры... Были фестивали и слеты, концерты и квартирники, поездки по стране и зарубежью. Я участник многих форумов и лауреат нескольких, даже многократно. Однако ни разу не попадал в жюри, хотя являюсь родоначальником бардовского движения в Оренбуржье. Приглашайте на ваши фестивали, готов к любому качеству. Есть авторский альбом «ЗамкОвый камень», в котором 41 песня. Пою свои мелодии на стихи Окуджавы и Ваана Терьяна. Всюду были друзья и... агенты спецслужб. Вряд ли кто из нас, наивных, тогда догадывался, что именно по наши души был издан идеологически выдержанный приказ председателя КГБ СССР от 25 июля 1967 года... По нему же Высоцкого сняли с поезда в Куйбышев на запланированные концерты, в 1968 году, за нелояльность. КСП «Акварель» жив, ему 48 лет, мы проводим фестивали, тематические вечера, театрализованные Именины. В этом году, думаю, девизом станет слоган из моего голодного детства: «48! – половину просим!» Если кто-либо из послевоенных пациентов выходил во двор, допустим, с горбушкой хлеба, намазанной маргарином и посыпанной сахаром, и слышал это требование, обязан был немедля отдать половину харча соискателю. Представьте, как это выглядело бы в наше сытое время! Попробуем справиться с изобилием.

– Расскажите о вашей книге «Родом из детства». Как появилась идея ее создания, как вы над ней работали?

– Книга создавалась 20 лет до ее выхода. Началось с инфор-

мации, что во время войны Володя с мамой попал в эвакуацию «на Урал». Это прозвучало на одном из бардовских слетов в Подмоскowie. Ничего конкретного. Потом выяснилось, что это Бузулук, село Воронцовка Чкаловской области. Успел встретиться с очевидцами тех лет, записать, зарисовать. В 1997 году пригласил Нину Максимовну в те места, где она не была 56 лет. Велись кино-аудио записи поездки, все это лежит в несмонтированном виде в архиве Дома-музея Высоцкого в Москве. При жизни Нины Максимовны мне не удалось опубликовать одобренную ею рукопись. Представьте себе, что на готовый к печати, отредактированный материал, собранные 370 иллюстраций к нему в двух наших издательствах был синхронный шокирующий ответ: «Книга некоммерческая и не представляет никакого интереса!» А сейчас она в 83-х странах с автографами! По ней созданы сценарии трех документальных фильмов: «Я не верю судьбе», «И, улыбаясь, мне ломали крылья», «Высоцкий. Глава за главой. Глава 180. Казания и Музулук»... Нынче приглашают, охотно берут интервью, правда, всякий раз забывая об авторских отчислениях. Впрочем, работа над переизданием не прекращается. В одной из глав говорится о единственной улице Высоцкого в Бузулуке, а теперь их в крае уже 10. Затем мне удалось проследить биографию Марины Влади. Оказалось, что ее бабушка и дедушка, прабабушка и прадедушка по родовой фамилии Энвальд родились, жили, работали, умерли и похоронены в Оренбурге. И еще важная новость. Отыскал родственников одной из воспитательниц детского сада в Воронцовке, где находился Вова Высоцкий, и у них сохранилось коллективное фото с маленьким мальчиком, заслужившим великое будущее. Считаю это подлинным открытием. Но, как всегда, на переиздание нужны деньги...

– Высоцкий был легендой при жизни, а сейчас стал мифом. Как вы думаете, является ли его творчество насущной духовной необходимостью для нынешних поколений? Или он только миф, знаменитое имя?

– Думаю, что уже ответил на

этот вопрос. Добавлю лишь, что Высоцкий никогда не будет угоден властям, поскольку за ним стоит Народ!

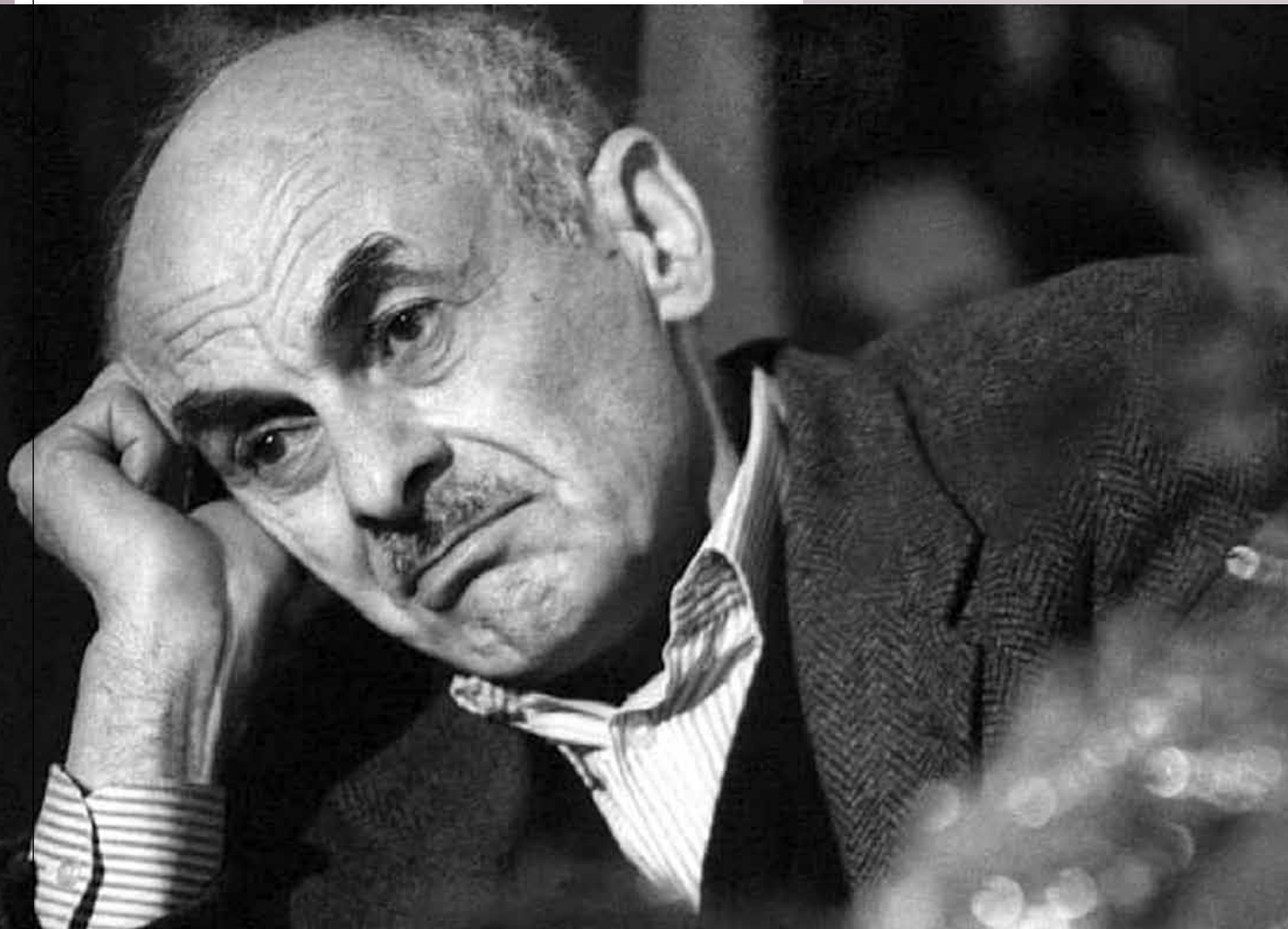
– Вы родом из Оренбурга. Что самое важное и интересное о своем городе вы хотели бы сказать нашим читателям?

– Оренбург (хотя номинально я родился в Чкалове, том же самом месте, где он стоит) для меня Родина, и Малая, и Большая. Могу связать его жизнь на протяжении почти трех веков с любой страницей отечественной и зарубежной истории и любым героем прошлого и даже будущего. Приезжайте к нам, но только после ремонтных работ от потопа этой бурной весны.

– С какими чувствами вы покидаете Грузию?

– Грузию полюбил. Обожаю путь через капризное Дарьяльское ущелье, в котором сразу возникают: Пушкин – Грибоеда везут – Лермонтов – Маяковский – Высоцкий – Киса и Ося... Обожаю все ваши вина, которые довелось вкусить, а особенно – лимонад «Натахтари». Приглашайте! Готов к общению, в том числе с небольшой концертной программой и бесконечным ресурсом квартирника – с уважением и в надежде взаимопоспешествования, как мог бы сказать Окуджава. Кстати, корни фамилии моей фамилии – Горачек – находятся в Чехии и означают «житель гор». Не случайно в Грузии мне присвоили дежурное звание – Горидзе!

«В ПОЧЕТЕ, И ВСЕ Ж НА УЧЕТЕ»

■ Владимир ТАВАДЗЕ

Даже в год столетия со дня рождения Булата Окуджава, и в Тбилиси мало кто знает, что именно здесь ему сделали уникальное предложение – пожить на исторической родине не несколько недель или месяцев, а гораздо дольше. Чтобы оказаться подальше от нападков и дрызг. Он проговорился об этом в 1983 году на единственной, пожалуй, встрече с грузинскими почитателями, на которой не прозвучало ни одной песни, ни одного стихотворения. И о которой не упоминалось ни в каких афишах.

От стужи, от метелей и
от вьюг,
от полчищ соплеменников
несчастных

бывало, улетали мы на юг
для поисков пристанищ
безопасных.

Это были не самые лучшие дни в его жизни. Январь и февраль 83-го, как и предыдущие долгие месяцы, давили грузом забот и сомнений, о которых не знали миллионы людей, живших его песнями, стихами, романами.

Официальные «столпы» советской литературы, ее бдительные «кураторы из органов» продолжали уделять особое «внимание» тем, чьи имена были связаны с нашумевшим «Метрополем». И он, один из авторов опального сборника, уехал из столь любимой им Москвы – в другой, не менее род-

ной город. Уехал в Тбилиси, на несколько дней. Но, как оказалось, не исключал вероятность того, что придется осесть здесь и на более длительный срок.

Пока асфальт холодный
топчем мы,
все то же повторяя,
как по нотам,
он дожидается конца зимы
и улетает со своим
блокнотом
туда, где дни, как вольные
стрелки,
чем безвозвратней – тем
сильнее...

Кавказ, Грузия, Тифлис более полутора веков традиционно были прибежищем для российских вольнодумцев. И те стремились к друзьям и

В Грузинформе. Б. Окуджава с женой, Т. Степанов и автор статьи

единомышленникам, которым вольный дух горного края и щит Большого Кавказского хребта, дворянские кровя и фамильное состояние позволяли чувствовать себя в далекой провинции более вольготно, чем в удушливой атмосфере российских столиц. Поколения этих людей десятилетиями были рядом со «смутьянами», сосланными на Кавказ. Но туда не только ссылали, там добровольно искали если не спасения, то передышки.

А для Булата Шалвовича Грузия – не просто край, в котором живут верные друзья. Это – родная ему страна, земля предков. Та самая земля, что уже приняла однажды двенадцатилетнего сына Арбата, когда в 37-м «взяли» его родителей. Земля, с которой он ушел на фронт и куда вернулся после ранения, где встретился с возвратившейся из лагеря матерью и учился в университете...

Здесь он чувствовал себя своим не только в семье двоюродного брата и многочисленных родственников, но и в десятках других семей. И писателей, кинематографистов, художников, с которыми готов был стоять в обнимку на фоне Пушкина. И простых кахетинцев

и сванов, с которыми в каждый приезд сводили его «свежий ветер ущелий и речек» и мангал, «пропахший зеленью, как духами, и шашлыками еще лютей»...

Здесь проходила встреча с Булатом Шалвовичем

И вижу: ба, знакомые все
лица
и речи, и грехи из года в год!
В одежке, может,
малая крупца
нас различает – прочее
не в счет!

Глоток свободы, столь не-
обходимый в те годы не только
ему...

Примерно в это же время (это был период очередных «всенародных выборов» в Верховный Совет СССР) в Тбилиси, втайне от общественности, появился поэт Андрей Вознесенский. Он тоже хотел отдышаться от московской обстановки, жил у друзей, надеялся, что останется незамеченным журналистской братией. Но в Грузинформ – официальное информационное агентство, являвшееся и филиалом ТАСС – поступило распоряжение от «верхов»: взять у поэта интервью о том, на каком избирательном участке Тбилиси, за кого и с каким чувством он будет голосовать. И автор этих строк был отправлен на отнюдь не самое приятное редакционное задание.

В крохотной комнатке старой тифлисской квартиры на одной

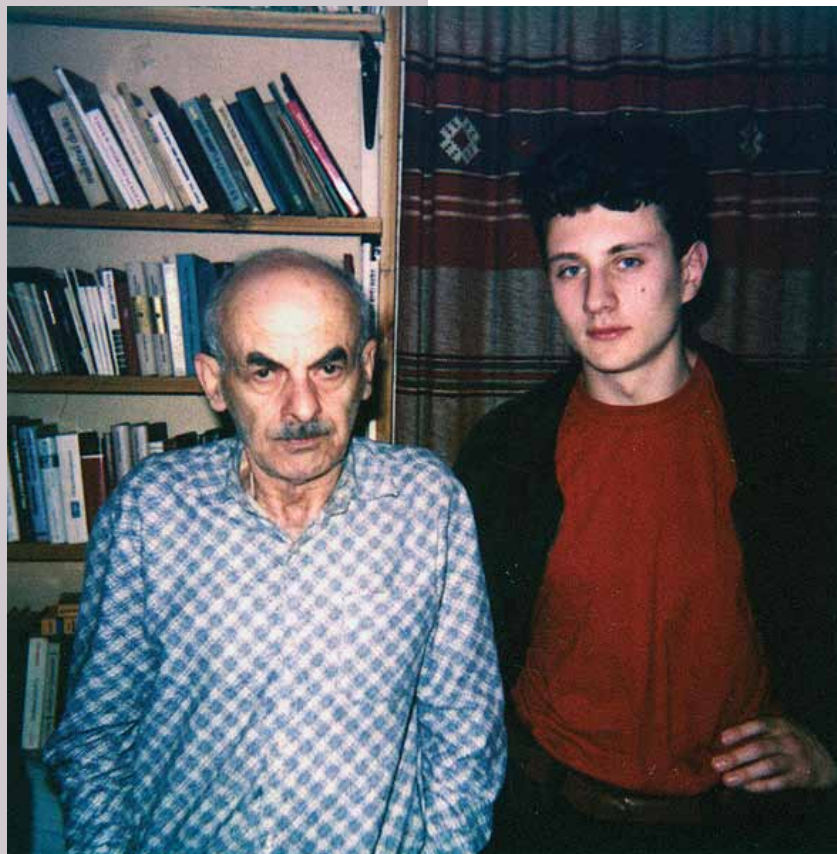
из улочек, взбегающих к горе Мтацминда, Вознесенский правильно оценил смущенный вид интервьюера и вежливо сообщил, что приехал отнюдь не на выборы, а потому, что «ему сейчас необходимо побыть здесь, среди друзей, инкогнито». А чтобы его оставили в покое, даже согласен взамен, чуть позже, дать интервью о своих литературных планах, хотя сейчас ему и не до этого. Но коли так уж необходимы лояльные высказывания на «выборную» тему, то корреспондент, если хочет, может от себя написать все, что полагается в таких случаях. Корреспондент не захотел. И в редакции с легким сердцем принял нагоняй за невыполненное ответственное задание.

Впрочем, легко на сердце от такого разрешения ситуации было и у того, кто для проформы делал этот нагоняй – директора Грузинформа Теймураза Степанова-Мамаладзе. Как это ни странно для того времени, официальное информационное агентство возглавлял не администратор и лизоблюд, а неординарный и талантливый журналист, все правильно понимающий, настоящий тбилисец (высшая оценка человеческих качеств в вольном городе Тбилиси).

Именно он в феврале 83-го сообщил подчиненным, что

«сверху» ему стало известно о приезде Булата Окуджавы, который ни с кем не хочет встречаться, не даст ни одного выступления. И что он, Темо Степанов, почтет за честь встречу с поэтом – свою и своих сотрудников. И сделает все, чтобы эта встреча состоялась.

С сыном Антоном

И прежде, чем решать вопросы про сплетни, козни и доносы и расковыривать причины тайной мести, давайте-ка отложим это и углубимся в дух поэта... Уж не знаю, как Степанову удалось по телефону уговорить

Булата Шалвовича. Известно лишь, что была обещана камерная, почти семейная обстановка, без журналистских попыток влезть в душу, без банальных вопросов. Во всяком случае, и собираясь на встречу, и по дороге из гостиницы в редакцию, Окуджава несколько раз переспросил, действительно ли это будет беседа в узком кругу – уж очень ему не хотелось идти. Но коль пообещал... Да и у жены, Оли, прорвалась фраза, о том, что встреча может быть ему на пользу. Хотя она явно была озабочена другим – простудой мужа.

Да, вдобавок ко всему, он был еще и простужен. И в толстом кашне, пушистым калачиком свернувшимся над чуть великоватым кожаным пальто, напоминал нахохлившуюся на пронизывающем февральском ветру птицу – то ли независимого воробья, то ли ненадолго притихшего дрозда.

Эта ассоциация стала особенно щемящей, когда они с Олей приостановились у спуска улицы Грибоедова на проспект Руставели – на том самом месте, где нелепо и неожиданно погиб «певчий дрозд» – герой другого большого поэта, поэта от кино Отара Иоселиани. Сейчас он всемирно известен благодаря фильмам, снятым вдали от родины, во Франции. А в 1970-м ворвался в большой кинематограф лентой «Жил певчий дрозд» – о бескорыстном и непрактичном, беззаветно влюбленном в Тбилиси музыканте. О человеке, столь схожем и с самим Окуджава, и с его лирическими героями – восприятием любимого города, людей, жизненных ценностей.

На том месте, где погиб «певчий дрозд» (в очередной погоне не за деньгами – за надеждой, не очень понятной остальным), Оля, поправляя мужу кашне, сетовала, что не смогла купить термометр и носовые платки. Именно они были тогда в Тбилиси очередным дефицитом.

По дороге в редакцию пришлось неоднократно взять грех на душу, в очередной раз заверяя Булату Шалвовича, что на встрече будет немногочисленно. И это – при том, что просторный

Место гибели «певчего дрозда»

степановский кабинет был уже заполнен до отказа не только грузинформовцами, но и людьми из других редакций – слух о том, что «к нам придет Окуджава», моментально разнесся по всем пяти этажам здания: от издательства «Мерани» до «Зари Востока», «Нианги», «Дроша», «Самшобло», корпунктов центральных газет... Мы не хотели обманывать гостя и действительно готовились к встрече в узком кругу. Но как сказать «нет» людям, стремившимся в первой половине 80-х встретиться с Окуджава?

...Разгар «застоя». Понятия «шестидесятники» еще нет, а те, кого подразумевают сейчас под этим словом, находятся, мягко говоря, в тени. Все реже звучат гитары 60-х – 70-х годов. Не получив официальное «добро», с хрипящих магнитофонных лент пробиваются к слушателям Высоцкий, Галич, Окуджава, Визбор, Ким, их соратники по цеху.

Поэтов травили, ловили на слове, им сети плели; куражась, корнали им

крылья,

бывало, и к стенке вели...

В почете, и все ж на учете,

и признанны, но до поры...

Вот вы с ними рядом живете, а были вы с ними добры?

Имя Булата Шалвовича – на слуху и у тех, кто не смог прочесть его сборники, издававшиеся минимальными тиражами,

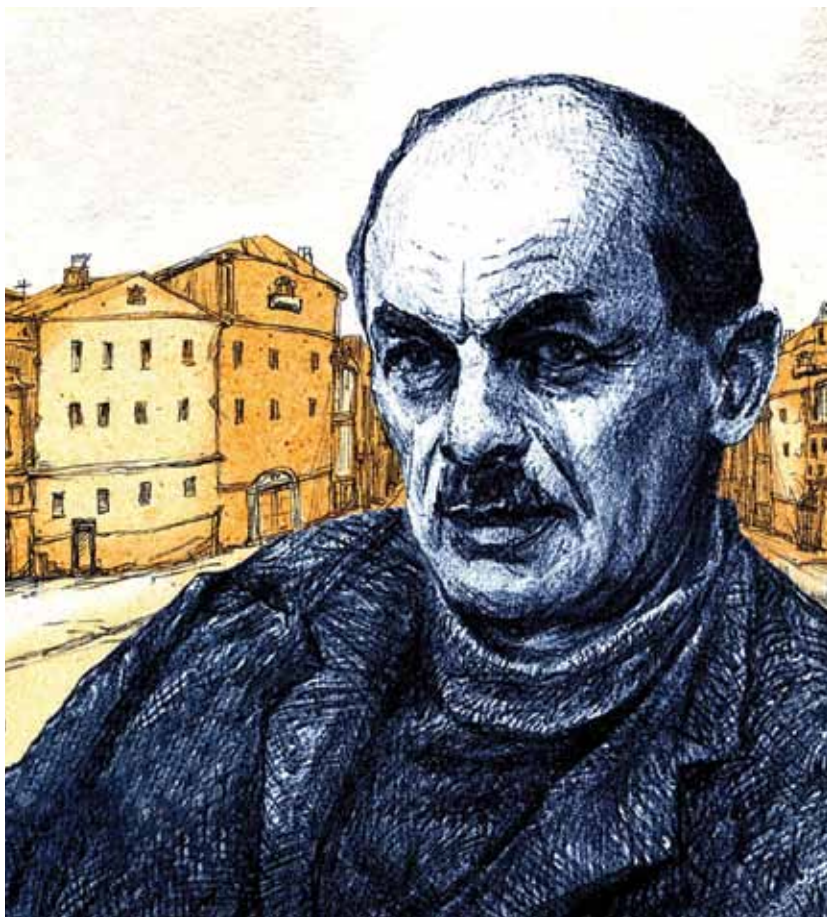
побывать на практически не рекламировавшихся выступлениях. Вот и набежали в Грузинформ не только знатоки его стихов и песен, но и люди, для которых его имя было просто связано с лучшим в российской поэзии.

Неловкость от создавшейся ситуации поначалу нависла над собравшимися – уж больно велико было несоответствие между настроением поэта и тех, кто его ждал. Уже выйдя из лифта, он невольно сделал шаг назад, увидев, что предстоит по живому коридору пробираться ко входу в кабинет. А там – люди, толпящиеся в дверях, диктофон на столе, явно ждущий откровений...

Вот тогда-то, немного растерянно начав с того, что он не ждал такой аудитории, Булат Шалвович сообщил в ответ на первый, традиционный вопрос – о цели приезда в Грузию, что здесь «нашлись хорошие люди, предложившие мне пожить, сколько понадобится, а, может, и... довольно долго». Причем, скажет так, что стало ясно: предложение сделано на уровне, выше которого в республике тогда быть не могло...

Говорил он медленно, тщательно обдумывая слова. И было видно, что тема эта – довольно щекотлива в столь разношерстной, да к тому же журналистской компании. Что его

внутренний дискомфорт вызван различными причинами.

Но прозвучала последняя фраза на эту тему: «Не знаю, придется ли воспользоваться этим, но я благодарен уже за то, что такое предложение было сделано», и атмосфера встречи чудесным образом стала меняться. То ли искренность этих слов стала довлеть над недосказанностью. То ли он почувствовал, сколь интересен собравшимся, ощутил их стремление понять, чем он живет, что его волнует. А может, просто воздух Тифлиса, пронизанный человечностью и откровенностью, пробился сквозь запотевшие стекла, как всегда, сотворив маленькое чудо. На этот раз – чудо сопричастности друг другу.

И вот тогда (сто раз увидев это) о, может быть и сам я стану вновь сентиментален, как его рассветы, и откровенен, как его любовь.

Он почувствовал, что слушатели понимают его с полуслова. И каждый его ответ не был только ответом – он произвольно становился мини-рассказом.

Может, ему надо было выговориться?

Уже не имела для него значения вторая древнейшая профессия собравшихся, словно исчез со стола, растворился диктофон. Поэт просто и откровенно разговаривал с единомышленниками. Правда, ни слова не было сказано о камнях подводных, подкладываемых официальными «инстанциями». Он говорил лишь о субъективном.

О том, что не хочет больше писать песен (и чувствовалось: жесткость наступившего времени чужда музе, направлявшей до сих пор его лирику).

О том, что будет отныне всерьез заниматься лишь прозой как большой литературой (и ощущалось: ему больно, что кое-кто не видит настоящего литератора в сочинительстве песен).

О том, что более всего его привлекают сейчас исторические темы (и понималось: история нужна ему, чтобы не только еще раз осмыслить абсурдность происходящего в отчужденной, но и вновь воспеть непреходящие общечеловеческие ценности).

О том, что повзрослевший сын Антон ушел в музыкальные поиски, живет своей жизнью (и становилось ясно: он не совсем понимает и принимает это).

И о том, что сейчас ему необходимо многое обдумать, оценить, но для этого нужно время, а главное произведение его жизни еще не написано (и было видно: он боится не успеть сказать это «главное»)...

И искаженный профиль мой со стороны всего виднее...

Пожалуй, не найти бледнее перед сумою и тюрьмой.

Нет, он, конечно, не жаловался, о многом не говорил в лоб. Но цепочка забот и сомнений тянулась и из рассказа о работе над «Путешествием дилетантов» и «Свиданием с Бонапартом», и из попыток поделиться планами на будущее, и из четких формулировок жизненного кредо...

А еще он ответил на вопрос, тогда показавшийся абсурдным, но, увы, через 6-7 лет звучащий в Грузии (да и не только в ней) по-настоящему странно, потому что гремел уже с очень высоких трибун. Задал его на той встрече седой красавец – потомок рода великих князей, породившихся аж с самим Мюратом. Он был великолепным тамадой и рассказчиком историй из жизни выдающихся актеров. Но великокняжеская кровь – еще не гарантия наличия серого вещества.

Неловкое молчание воцарилось, когда он с победоносной улыбкой спросил: «А почему вы, грузин, пишете по-русски?»

Улыбка, с которой Окуджава дал ответ, была такой же непонимающей, как и за 15 лет до этой встречи, когда в уютном стекляшке-кафе Тбилисского университета, под конец двухчасового выступления он получил записку с просьбой исполнить несуществующую песню «Шарик улетел».

– Грузия – огромная и очень дорогая мне часть моей жизни, – он говорил с князем, как с маленьким ребенком, не понимающим прописных истин, – но мой родной язык – русский, я воспитан на русской культуре.

Спустя почти десять лет эти слова эхом отзвучат в характеристике маленького героя его автобиографического «Упраздненного театра»: «...Возник внук Степана Окуджава – по официальным документам Отар, по самоощущению Иван Иванович...»

В этом – весь Булат Шалвович. Зачем, что и кому надо объяснять в подобных случаях?

Арбат – мой дом. Но и весь мир – мой дом.

Все остальное не имеет смысла.

А тогда, 11 февраля 1983 года, он вдруг заизвинялся, заторопился – короткий день стремительно превращался в ранний вечер, а у него была еще одна встреча, сугубо личная. Но еще долго он не мог войти в лифт – соглашался на очередную пару автографов, не отказывался сфотографироваться на память, узнавал поседевшего однокурсника... Этот Окуджава в лихо распахнутом пальто так отличался от того, сгорбившегося, поверх подбородка укутан-

ного в кашне, который с явной неохотой появился здесь пару часов назад!

У него потеплели глаза – явный признак того, что теплее стало и сердцу. И это, пожалуй, – главный итог импровизированной встречи. Каждый ее участник ощущал то же, не замечая, что на лестничной клетке прохватывает почти, как на улице. И лишь когда бдительная Оля решительно поправила на нем шарф, он, окончательно распрощавшись, как со старыми добрыми знакомыми, ушел на резкий ветер – к своим заботам.

И снова стал похож на птицу – нахохлившуюся, простуженную.

Как там у Вероники Долиной – в невольном грустном пророчестве песни, написанной почти за 17 лет до смерти Булата Шалвовича? «Не пускайте поэта в Париж – он поедет, простудится, сляжет»...

Париж для того, чтоб ходить по нему, глядеть на него, изумляться, грозящему бездной концу своему

не верить и жить не бояться.

Все дальше в прошлое уходит тот день 1983-го. Но иногда кажется: он более реален, чем многое, происшедшее после.

Иным стал поэт в последние годы жизни. К счастью, он не выполнил то, давнее намерение – не бросил поэзию. Хотя песен писал мало. Но были новые и новые стихи, рожденные уже другой музой – более требовательной к окружающему миру, ищущей моральной опоры. Стихи с явным привкусом горечи.

Ничего, что поздняя проверка. Все, что заработал, то твое.

Жалко лишь, что родина померкла, что бы там не пели про нее.

Иным стал Тбилиси, в котором тогда так вольно дышалось. В огне и крови ему удалось сохранить душу. Хотя несколько лет кряду освещаемый кероси-

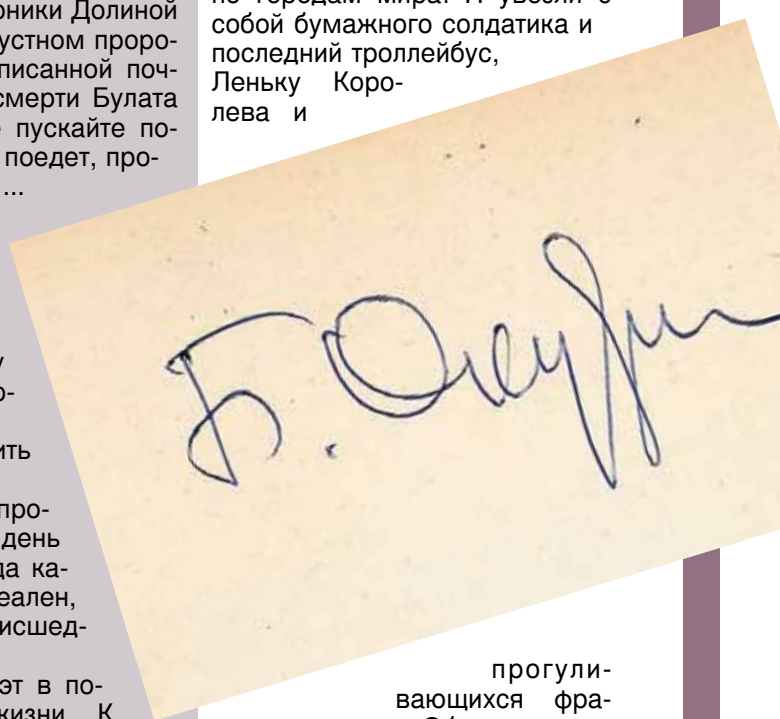
новыми лампами и отапливаемый дровяными печками, мало чем напоминал тот, что навечно был впечатан в сознание Булата Шалвовича.

Там мальчики гуляют, фасоня, по августу плавают в нем, и пахнет песнями и фасолью, красной солью и красным вином.

Перед чинарою голубою поет Тинатин в окне, и моя юность

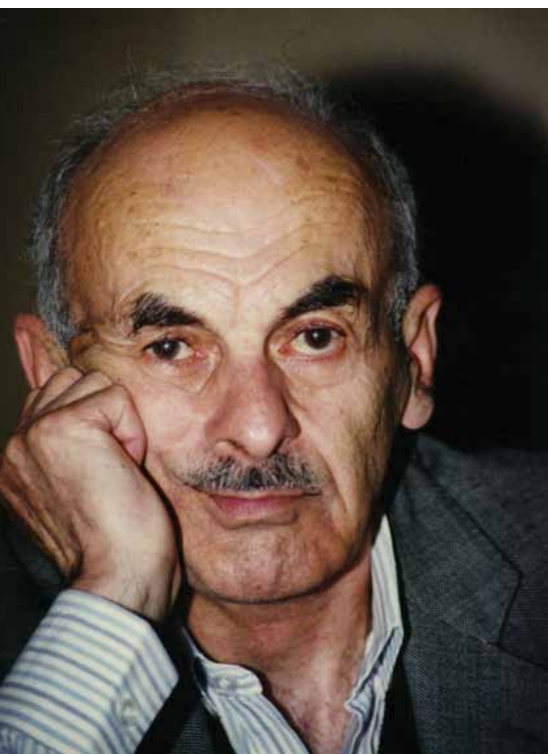
с моей любовью перемешивается во мне.

Нет уже многих из тех людей, что стояли плечом к плечу, вслушиваясь в негромкий голос поэта. А сколько разъехались по городам мира! И увезли с собой бумажного солдата и последний троллейбус, Леньку Королева и

прогуливающихся фразеров. Обустраиваясь на новых местах, они ставили на книжные полки тоненькие поэтические сборники, привезенные с собой, и новые – купленные в магазинах «Русская книга».

И читали строки, так просто и так глубоко объясняющие, почему у них теперь новая жизнь: Вселенский опыт говорит, что погибают царства не от того, что тяжек быт или страшны мытарства. А погибают оттого (и тем больней, чем дольше), что люди царства своего не уважают больше.

УБИЙЦА

ПОВЕСТЬ

Бека КУРХУЛИ

Перевод: Гога ЧКОНЯ

Окончание

Стояло раннее утро. Над российским блокпостом у моста Рухи хлестал по воздуху большой российский триколор.

К шлагбауму подкатила телега с запряженной в нее грязной старой мегрельской лошастью. На телеге – шесть объемистых мешков и старушка в черном. На груди у нее виднелся круглый значок с фотографией молодого человека в форме.

Лошадью правил рыжий лопухий мальчик, который украдкой оглядывался вокруг, пытаясь при этом не встретиться взглядом с русскими.

Рядом с чем-то вроде караульной будки стояли трое. Один курил, положив автомат на колени, второй дремал, прислонившись к будке, третий, пытаясь взбодриться, исполнял вольный набор «комплекса упражнений утренней гимнастики».

Делом занимался только четвертый, по виду явно «салага». Он ощупывал старушкины мешки.

– Два лари за мешок, – показал он двумя пальцами, – здесь шесть мешков...

Женщина жалко улыбнулась солдату, протянула десятиларовую бумажку.

– Вот десять лари, дорогой, нет у меня больше, для зимы

собирала, отпусти ради бога.

Русский замялся.

– У меня был сын твоего возраста...

Рыжий мальчик, чего-то испугавшись, незаметно дернул ее за подол. Женщина осеклась.

– Да не дай бог...

И по-грузински добавила: – Пусть тебя минует его доля...

– Да ладно, бабуля, проезжай. – Солдат взял деньги и поднял шлагбаум.

– Дай бог тебе здоровья, генацвале, чтоб домой хорошо вернулся...

Рыжий мальчик дал лошади прута, и та довольно бодро процокала через Ингурский мост.

«Салага» подошел к будке, сдал курившему сержанту десять лари и поплелся обратно.

– Рядовой Любавин, ты чего цацкаешься с этими черножопыми, а? – спросил его сержант, шуря глаз от сигаретного дыма – в углу рта чадила недокурная контрабандная «Магна». И, явно кайфуя от ощущения своего превосходства, продолжил:

– Ты давно в любителей грузин записался? Мы таких добреньких здесь живо...

– Гаврилов, а у тебя дома бабушка есть?

– Нет!.. И не было никогда...

– Оно и видно. – Солдат поправил на ремне автомат, повернулся спиной и, избегая

продолжения неприятного диалога, занял место у шлагбаума.

Сержант с презрением смотрел на него, сплюнул и вдруг взорвался:

– Да ты, салага, заткни свое хайло, а то живо дерьмом накормлю...

– Да иди ты! – пробормотал солдат и перешел на другую сторону дороги.

Телега из Гали медленно продолжала свой путь по зугдидским улицам сквозь крики и гвалт, шум моторов, сигналы проезжающих машин. Заднее окно одной из стоящих у рынка машин медленно опустилось. Гладко выбритый человек долго наблюдал за старушкой и рыжим мальчиком на телеге. Потом автомобиль медленно тронулся и остановился у поста полиции.

Мужчина что-то сказал полицейскому. Окно поднялось. Машина уехала.

У ворот рынка полиция оставила телегу с лошастью.

Седую женщину в черном высадили. Телегу с лошастью забрали. Рыжий, тревожно оглядываясь на женщину и что-то ей говоря, пошел за полицейским.

Женщина, вытирая глаза платком, стояла у ворот рынка. Потом, шатаясь, пошла прочь.

За рулем черного джипа «Чероки» сидел Дато Шервашидзе. Темные очки «рейбан» делали его бесстрастное лицо еще более непроницаемым. Со стороны было непонятно, слушает он седую женщину в черном или спит.

– Вот как со мной поступил Норакидзе, Дато-батано, – плакала старушка. – Нет, я, конечно, была ему должна, но зачем меня так позорить, чтобы через милицию отнимать... Пришел бы сам, я бы на коленях... Или отдала бы... А что делать, я мать скорбящая, у меня ведь нет ничего, средств никаких, а иначе бы... Стыд такой... Перед всем миром... Соседский ребенок мне помог перебраться, прямо на его глазах отняли... И ему пригрозили, мол, чтоб не видели тебя на этой стороне, а то и лошадь, и теле-

гу отнимем, а тебя посадим. Если с ним теперь что случится, я, наверное, с собой покончить должна... Дато...

У Дато Шервашидзе заходили желваки. Он сначала снял очки, потом опять вернул их на нос. Прикурил. Пальцы дрожали.

– Ладно, не плачь теперь! Что плакать, успокойся уже...

– Как успокоиться, Дато-батона...

– Откуда ты родом?

– Здешняя я, зугдидская. Кварацхелия. В Сиде у меня родственники. Там я собрала орехи дрожащими руками. Думала, на зиму пару грошей... – она опять расплакалась.

– Хватит, хватит! Какого черта в долг брала? И у кого брала? Что, не знала? Думать надо было! – вдруг раскричался Дато. – Плачет мне тут!

Дато сунул руку в бардачок и долго нашаривал там что-то среди «красных пакетов» и «баянов». Наконец нашел мятую стодолларовую купюру и протянул женщине.

– На! Это тебе! Больше не нашел сейчас...

– Что вы, батона Дато, не нужно...

– Бери, говорю, бери! Я не в долг даю, как Норакидзе. Возьми и прекрати плакать! А то народ ходит, неудобно... Что скажут?

– Спаси тебя Бог, Дато! Пусть он тебя защитит и десницу твою направит! Прости меня, нервничать тебя заставила...

Дато поднял очки и, сощурившись, присмотрелся к фотографии на груди женщины.

– Что-то не узнаю... С нашей стороны воевал?

– С нашей, с нашей! Призвали его и погубили меня! Призвали, что ему было делать?

– Ничего... Что было делать? Какая теперь разница? Освети, Господи, его душу! Ладно, поехал я... Разберусь, в общем...

Джип тронулся с места.

Женщина осталась стоять у рынка города Зугдиди с зеленым портретом Бенжамена Франклина в руках.

– Иди уже, иди! Спрячь деньги и обменяй потом в нор-

мальном обменнике! Не потеряй! – крикнул ей напоследок Шервашидзе, а сам себе процедил сквозь зубы:

– Ох, Норакидзе! Твою, подлеца и барыгу, мать... Сейчас, сегодня же...

Через полчаса у девятиэтажного корпуса на окраине Зугдиди с ужасным скрежетом затормозил черный джип. Из его окна высунулась голова в темных очках и заревела в полный голос:

– Пониава! Пониава!

Окно на первом этаже распахнулось, показался сонный Пониава.

– Что случилось, Дато? С тобой все в порядке?

– Нет! Нет на земле мира и порядка! Не было никогда, нет и впредь не будет мира и порядка!

– Откуда я возьму мир и порядок? Мира он, видите ли, захотел!

– Оу-оу, ладно!

– Все, выхожу, подожди секунду! Машину взять?

– Нет, тут маленькое дельце.

– Совсем спятил, несчастный! – проворчал Пониава, закрывая окно.

Через минуту умытый и наскоро причесанный Пониава с автоматом в руке открыл дверь джипа «Чероки».

– Что случилось?

Спустя некоторое время черный автомобиль затормозил у другого корпуса. Дато открыл дверь. Пониава его оставил.

– Не надо! Не зови. Орешь, слишком много шума. Весь Зугдиди разворошил с утра.

Пониава оставил автомат в машине и вошел в подъезд. Не прошло и пяти минут, как он вышел из подъезда с младшим Цатава. У Цатавы тоже в руках автомат. Оба сели, и авто с визгом сорвалось с места.

Джип подъехал к бензоколонке. Парень, сидящий у заправочного аппарата, собрался встать, но, увидев трех человек с автоматами, передумал и теперь таранился на них расширенными от страха глазами.

– Эй, ты, – начал Дато, – где

ваш шеф?

Парень от страха совсем онемел.

– Чего вытаранился на меня, как баран? Шеф, говорю, где? Или нужно говорить «босс»? Или бози? Пусть будет бози! Ну и где эта бл...кая морда?

– В кабинете.

– Так позови!

Парень зашел в кабинет и через мгновение вышел оттуда с тем самым гладко выбритым типом, который наблюдал за вдовой Кварацхелия из окна своего автомобиля.

– Ох, батона Дато, пожалуйста, пожайте! Нужда, может быть, какая во мне...

– Покажу тебе нужду... Много нужды на свете.

– Чем могу помочь? Я помогу всем, чем... – Норакидзе, сбитый с толку неожиданным визитом, всячески старался держать себя в руках.

– Поможешь, конечно, куда ты денешься!

Дато подошел к заправочному аппарату.

– Эй, ты, иди сюда, – подзвал он парня. – На какую кнопку нужно нажать, чтобы бензин полился?

– Н-на э-т-ту!

– Ладно, иди вот с ними, а я, если чего не пойму, позову опять. А вы, – сказал он, обращаясь уже к Пониаве и Цатаве, – вы идите на дорогу. Один на эту сторону, другой на ту. Останавливайте машины, ни одной не пропускайте. Всех сюда и всем заливайте бензин! И ты стой здесь, помогай, – обернулся он к Норакидзе. – И чтоб ни на шаг отсюда!

Цатава и Пониава встали по обе стороны дороги и начали останавливать машины.

Из них выходили встревоженные водители.

– Что случилось?.. В чем дело?.. Я с семьей, брат!.. Я не здешний, ребята, что стряслось?.. Да чистый я, проверяйте, если хотите!.. Мне недалеко, в Сенаки!..

– Все в порядке! – отвечали им Цатава с Пониава.

– Просто у хозяина этой бензоколонки именины, и он всех

угощает! Да, даром заливает бензин!

– Что это, шутка?.. Как, совсем бесплатно?.. Что-то тут не так!.. Вы правда не шутите?.. И в канистры можно?..

Пришел полдень. Дато Шервашидзе сидел с парнем Норакидзе у аппарата и отпустил гражданам бесплатный бензин. Сам Норакидзе стоял рядом. Печальный, молчаливый и бледный. Единственное, что он посмел предпринять за эти часы, – немного отпустил удавку своего галстука.

Стало жарко. Все очень устали.

Цатава крикнул Пониаве через дорогу:

– Эй, брат, может, хватит этому ублюдку? Скажи Дато! Устал я до невозможности, не могу больше, умру от голода!

Пониава сунул голову в окошко заправочной.

– Может, хватит, Дато, а? Достаточно этому... И Цатава еле на ногах стоит. Нету нас больше – мы сдохли.

– Нет!

– Мы-то в чем виноваты? Мать этого Норакидзе за ногу...

– Нет!

– Ты уже заколебал! Тебе-то что, сидишь тут, как султан! – недовольный Пониава махнул рукой Цатава-младшему и крикнул: – Нет, говорит, не-е-е-т!

– Он что, с ума сошел? Когда же мы все это раздадим?

Стемнело. Представление продолжалось. Всем проезжим заливали бесплатный бензин. Бледный как смерть Норакидзе курил сигарету за сигаретой. Наконец кончились... сигареты.

– Я схожу за сигаретами, батона Дато? – без особой надежды спросил Норакидзе.

– Нет!

– Тогда, может, вы меня угостите?..

Дато повернулся к наглецу и долго смотрел на него черными очками.

Норакидзе обреченно уронила голову.

Пониава и Цатава с трудом передвигались. Уговаривали всех и каждого:

– Может, еще какая-нибудь

емкость имеется? Вы не стесняйтесь...

– Нет, больше ничего, только для воды...

– Ничего страшного, сполоснешь потом!

– Сколько бензина у этого негодяя! И, главное, не кончается никак...

Наконец Дато высунулся из окошка:

– Что-то не идет больше. Кончилось, что ли?

– Уф, наконец-то! Спасены!

– Цатава вздохнул с облегчением.

– Точно кончился? – спросил Шервашидзе сотрудника Норакидзе.

– Точно! Ни капли не осталось.

Дато Шервашидзе встал, потер затекшую поясницу и сказал полумертвому от всего пережитого владельцу бензоколонки:

– Иди теперь, разложи у печки отнятые у старушки Ква-рацхелия орехи, просуши, прожарь и ешь, пока не лопнешь – вкусные они очень!

Трое покинули место экзекуции, сели в джип и пропали в мегрельской ночи.

* * *

– Ублюдок! – сказал Морду.

– А что я говорил? Как с этими крысами мириться? Что им можно объяснить? Вот если сейчас русский с абхазом перейдут реку, то помчатся без задних ног, не оглянутся даже, вместе со своими бензоколонками, как зайцы, побегут! А если увидят, что ты сопротивляешься и воюешь, сумасшедшим назовут, дураком и разбойником в придачу! Зря мы в абхазов стреляем, есть и здесь такие, которых стоит убивать... Маму их!

– Не надо их матом, батона Гия! Зря себя утруждаешь! Да и размножаются они от этого... Что теперь делать думаете? – спросил Барсук у Пониава.

– Откуда я знаю, что делать? Передайте Цатава, чтоб перестал караулить Кобу Месхия и на время укрылся бы где-нибудь. А мне что делать, разве я знаю? В Гали, наверно, пере-

йду. Там от абхазов прячусь, здесь от своих собак. Нет мне места нигде! Может, в Ингури буду жить. Я ведь не человек, я ведь зверь! – Пониава сел в машину и добавил: – Нет, наш брат Дато Шервашидзе тоже сумасшедший, не все у него дома...

Потом, почти на месте, с визгом развернул машину, принципиально въехал в грязную лужу на асфальте и, обдав жижей полицейского, помчался куда-то на запад из города.

«Эх, на Дато была вся надежда. Думал, не оставит меня в беде, поможет туплю жене достать... И что теперь делать?» – подумал Гия Эзугбаяя.

– Нам тоже лучше расхотиться и не маячить тут, – сказал Морду.

– Ты прав, – согласился Муртаз Эхвайя.

Молча пожали друг другу руки и разошлись.

– Ну, давай, пошевеливайся, чего застыл? – сказал Морду задумавшемуся Гие Эзугбаяя, взял за руку и повел за собой.

Они сели в машину, и Морду повернул ключ зажигания.

– Я кое-что придумал...

– Что придумал?

– Сейчас увидишь!

Автомобиль остановился у ворот рынка.

– Пойдем со мной, – сказал Морду и вылез из машины.

Вход на зугдидский базар был похож на первый круг ада – люди ходили по щиколотку в слякоти, уши закладывало от непрерывного визга, ора и ругани. В грязи валялись хлеб, конфеты, мандаринные корки, пустые бутылки и консервные банки. Из жижи торчал увязший резиновый сапог.

Морду энергично и ловко пробирався меж людьми, ржавыми, завалившимися набок киосками и всякого рода импровизированными лавками-прилавками. Высоченный Эзугбаяя с трудом уворачивался от белых капроновых веревок, на которых держались грязно-голубые тенты над торговыми рядами.

– Эй, скажешь ты в конце

концов куда меня тащишь, по горло в грязи?

– Тут недалеко мой хороший знакомый продает женские туфли...

– Ты что, с ума сошел, чем я расплачиваться буду с этим человеком? Бензин залить и то не на что! Вон почти пачку сигарет у Барсука скурил...

– Ничего, он нам и так даст...

– Что значит «так»? Унизить себя не дам, не в том возрасте!

– Ну потом отдадим, сочтемся как-нибудь – не век же нам голодранцами ходить! Когда похороны?

– Послезавтра.

– Тем более, времени совсем не осталось. А нет, так после похорон вернем, скажем, что размер не подошел – жмет, мол.

– Ну ты совсем спятил, что значит – вернем?!

– Да пошутил я, брат... Пойдем, не бойся.

– Отстань от меня по-братски, вернемся, втравишь ты меня в неприятности...

– Если хочешь, вообще не входи – снаружи постой...

– Не хочу! Умоляю, давай вернемся, и пусть хоронят как хотят – в туфлях, в шлепанцах, в «азиацких»* (**калоши с вытянутыми и задранными вверх носами*), отстань только...

– Слушай, всего можно добиться добрым словом. Ты как будто и не мегрел, Гия Эзугбайя. И где ты уродился, такой бесхитростный и прямолинейный? Одно слово – пшавети. Пшавети и есть! Ну вот, пришли. Ты подожди тут немного, поглазей туда-сюда, я скоро, – сказал Морду и юркнул в какое-то подобие магазина или лавки.

– А-а-а, приветствую настоящего мужчину, хорошего человека! Здравствуй, дорогой, как поживаешь? Как дела идут, не беспокоит ли кто-нибудь? Проблемы, может, кто создает моему другу и брату? Может, кому-нибудь жить надоело? Скажи только слово, и на блюде подам тебе его голову! Не навещал тебя давно, ты в обиде, наверно...

Из лавки негромко и сдер-

жанно ответили на приветствие, и Гия Эзугбайя почувствовал неладное. Какое-то время был слышен негромкий разговор, потом кто-то повысил голос.

– В конце концов меня не интересуется, партизаны вы или пенсионеры, не могу дать туфли в долг, и все! Ни на неделю, ни на один день! Царствие небесное покойному, но я причем? Я, что ли, виноват?

Из лавки послышался глухой и хриплый голос Морду, но слов Эзугбайя разобрать не мог. Заходить в лавку он не хотел, чтобы там не поняли, что разговор о нем. «Ау-у-у, во что он меня впутал, дурак», – подумал он обреченно.

– И не угрожай мне тут! Ты знаешь, во что мне обходится привезти этот товар из Турции?

Гия увидел раскрасневшееся лицо и сумасшедшие глаза товарища и понял, что дело плохо.

– О том и речь, что не интересуют вас мои расходы, и всего вам хорошего! Тоже мне, воины-освободители!

– Твою, барыги и подлеца, мать! Я тебе посчитаю доходы и расходы! Запомни, мать твою!

– По матери не ругай! Не сделаете мне ничего ни ты, ни твои друзья-бандиты! Тоже мне, партизаны! Придется вам с серьезными людьми разговаривать и за слова отвечать! Знаю я, как вы воевали!

Гия Эзугбайя и сам не успел понять, как влетел в лавку и, выкинув сначала наружу Морду, хлопнул по голове продавца туфель. Шлепок получился такой громкий, что был слышен метров на пятьдесят. Продавец отлетел на ящики с обувью. Из носа хлестала кровь.

– Ты про чью войну говоришь, выродок и сын шлюхи?! Убью подонка! Какими серьезными людьми, сука, пугаешь?! Мать твою и всех, кто за тебя вступится, урод несчастный!

Гия чувствовал, как кто-то тянет его сзади и услышал голос Морду:

– Не надо, Гия, по-братски, не надо! Извини, брат, это я

виноват, я! Ради бога, Гия, пойдем отсюда, оставь его, ради меня...

Они вышли из лавки. Морду спешил.

– Поспешим, Гия, а то скурвится эта сволочь, и посадят нас рядом с Дато. Некогда нам сидеть, не до того...

– Ну и пусть скурвится! – Эзугбайя сейчас было и правда все равно.

В машину сели молча. Минуту переводили дух.

Кто-то отделился от базарных ворот и со свойской улыбкой направился в их сторону.

– Вот еще один козел появился! Сегодня их день, что ли? – сказал Гия Эзугбайя.

– Кто это?

– Родственник жены. Крутится по лесу, деревообработке...

Родственник подошел к машине и просунул голову в окно.

– Приветствую вас...

– Здравствуй...

– Что случилось? Что за крик и драка? Неприятности какие-нибудь?

– Нииничего... Ничего такого... Оставь меня ради бога!

– Ладно, Гия, успокойся! Я-то причем? Мы с тобой близкие люди, и проблемы у нас общие!

– Хорошо, чего тебе от меня надо?

– Я слышал все... невольное. Из-за чего ссора и за что ты того недочеловека ударил, тоже понял. Сердце кровью обливается. Если она тебе жена, то мне – близкая родственница, кровь и плоть... Так вот, я знаю хороший выход из твоего положения. Послушай, что тебе надо сделать... Там, в Набакеви, первый этаж твоего дома чудом избежал огня и окна-двери из каштана остались совершенно целыми. Прекрасные двери и окна! Да ты сам говорил об этом. Принеси мне эти двери, и я дам тебе замечательные туфли для жены. Мне этот твой каштан не очень-то и нужен, сам знаешь, но из уважения и чтобы выручить родственника – помогу, ты ведь зять наш!

Заза Какулия по прозвищу

Морду и Гия Эзугбайя по прозвищу Пшавети в изумлении застыли с открытыми ртами, не в силах издать ни звука...

– Поехали отсюда! Поехали, говорю, что стоишь? – процедил наконец Эзугбайя.

Заза Какулия молча завел машину...

– Что думаешь делать? – спросил Морду.

– Отвези меня в Ахалкахати и оставь там. Что я могу сделать? Видишь, какой день выдался несчастный, всякие сволочи, собаки и сукины дети напали на нас, как шакалы... Пойду-ка я домой подобру-поздорову, пока мы не попали в новую неприятность.

У Гии ком стоял в горле от ощущения беспомощности и злобы на самого себя, он чуть не плакал.

– Вот, не хватало нам с тобой врагов и ненавистников – нашли еще одного! – сказал он глухим голосом.

– Я ему покажу врага, когда подожду его в собственной будке! Поджарю его, как цыпленка-табака!

– Оставь, будь человеком! И так нас все ненавидят.

Заза Какулия остановил машину у бывшего Дома культуры села Ахалкахати. Эзугбайя открыл дверь.

– Прости, братишка! – сказал Заза.

– Не говори больше об этом.

– Подожди, Гия! Правда, что ты собираешься делать?

– Ничего! Ничего не собираюсь!

– Засел у тебя в голове тот разговор? Может, правда что задумал? В Абхазети перейти думаешь?

– Ты что, спятил? Если я там к абхазам попаду в руки, с меня кожу снимут, с живого! Я еще сам себе не надоел... Буду я ради покойника и похорон рисковать, как же! Пошли они!

– Не делай этого, Гия, не смей, братством тебя заклинаю! Сам знаешь, попадешься – живьем сварят!

– Нет, говорю. Вот чудак-человек! Как тебе еще сказать? Пусти, ради бога...

– А если нет, так хотя бы

один не ходи, меня возьми или в жизни не прощу, клянусь детьми! Кончатся наша дружба и братство, которые мы через ад пронесли! Чтоб я был сукиным сыном, если вру...

– Ну что мне сделать, чтоб ты поверил? С ума все посходили сегодня или я, несчастный, спятил? Куда я перейду, как перейду?

– Знаю я тебя, Гия Эзугбайя, ты и не такое делал! Знай, если без меня пойдешь – ни в коем случае не прощу, а этого подонка-родственника заживо похороню в каштановом гробу, сделанном в его собственном древесном цеху!

– Ох, испугал меня очень! – Гия впервые за весь этот день от души рассмеялся. – Делай с ним что хочешь!

– Гия!

– Нет, не собираюсь я ничего делать! Сказано и кончено! Точка! Поднимусь домой, лягу и засну. Может, во сне забуду...

– А жене что скажешь? Почему с пустыми руками пришел? Вава!

– Какая жена? Лягу и засну! Посмеет что-нибудь сказать – выкину ее из окна вместе с тапочками!

Заза Какулия (он же Морду) еще какое-то время недоверчиво смотрел на товарища, но тот повернулся спиной и ушел, не оглядываясь.

Морду досадливо мотнул головой, завел машину, резко сорвал ее с места и скрылся в дорожной пыли.

Войдя во двор, Гия услышал доносящиеся из окна второго этажа голоса жены и детей, развернулся и обошел здание с тыльной стороны. Потом через ржавую, покрытую паутиной дверь вошел в «оружейку» и, опустившись на ворох спальных мешков, затаился.

«Что делать, в какую петлю теперь лезть?» – думал он, вытянув усталые длинные ноги на цементном полу и уперев их в старую сломанную дверную раму, чувствуя при этом странное облегчение. Облегчение человека, которому нечего больше терять. Когда все плохо и лучше не будет. Такое

вот облегчение... Обнаружив в кармане куртки мятую сигарету «Астра», обрадовался ужасно. Прикурил. «А пошло оно все на ...!» – Гия в три затяжки высосал сигарету, с силой вдавил окурочок в гладкий цемент пола и сплюнул приставшие к языку табачные крошки. «Поднимусь, лягу и засну... И пусть попробует что-нибудь сказать!»

Эзугбайя приподнялся было, но опять сел. Взгляд, бессмысленно блуждая по комнате, упал на сломанную дверную раму. «А дома в Набакеви два окна и дверь с рамой на первом этаже. Целые... Сгниют ведь... Без присмотра. А эта сволочь и правда приметил! Возьмет точно. Заплатит... Или поменяет на эти... туфли. Я ведь и так собирался, да забывал все... И неудобно как-то! Заставить ребят в тылу врага, под пулями, двери свои таскать?»

«Нужно спешить... Пока я окна и дверь сниму... До Хурчи донесу как-нибудь. Там машину возьму у ребят и из Хурчи завтра же перевезу, оттуда просто. Двери только тяжелые, а окна и рама... Окна-то без стекол давно. Материал – каштан, на туфли должно хватить... Ладно, пошел! Отсюда тоже нужно выбраться незаметно. К Набакеви в хорошее время поспею – к сумеркам. А если кто мне встретится? Да я буду осторожен...»

Гия достал из-под замасленных тряпок АК-74, проверил затвор. Потом, откинув в сторону спальные мешки, открыл стоявший под ними деревянный ящик. В ящике лежали патроны, а поверх них – магазины. Пять. Гия взял три. «Больше не понадобится, не стрелять же иду». Потом взглянул на гранаты, лежащие на дне. «Нет, не возьму. Ну его, таскать... Опять же зацепиться можно за что-нибудь. И выйду за рамки с моими рамами!» Эзугбайя надел «лифчик» с магазинами, потом куртку, застегнул ее наглухо, закрыл за собой дверь и, оглядевшись, пошел не к главной дороге, а на север, в сторону Гали.

У села Хурча Гия Эзугбайя

обошел пост российских митротворцев и, пройдя вдоль клубничного поля, через мандариновые сады, то ли общие, Хурча-Набакевские, то ли граничащие друг с другом, вошел в деревню Набакеви.

Он миновал сожженный дом Мевлуда Корсантия, потом большую яму, оставшуюся от взорванного фугасом русского бэтээра, обошел рухнувший дом Ачба и оказался в «эзугбайевском квартале», где в вечерних сумерках виднелись силуэты развалин пяти домов. Первый – брата, второй – Гии, остальные – братьев его отца. Четыре дома выгорели дотла. Только первый этаж его дома остался почти нетронутым. И еще, как ни странно, деревянная баня, у которой, правда, крыша наполовину обвалилась.

Первый этаж и баню, как ему рассказывали, спас ужасный ливень, пролившийся в ту роковую ночь, когда сожгли половину деревни.

Гия открыл калитку и прошел в глубь двора. Сложив автомат и бронжилет в бане, за входной дверью, и прихватив с собой найденный там небольшой изогнутый ломик, он вернулся к дому. Гия Эзугбайя провел своей шероховатой рукой по стене – «дорогой ты мой!», потом сделал большой глоток из большой захваченной из Ахалкахати фляжки с чачей и, сев на корточки перед дверью, занялся делом.

– Что ты там крадешь, грязный грузин?! – послышалась мегрельская речь. От калитки шли трое – абхазы, гвардейцы Даур Квеквескири, Ираклий Гварамия и Саид Тарба.

«Все-таки принесли меня в жертву покойнику, чтоб жене моей пусто было... Если узнают – душу вытрясут в пытках», – подумал Гия Эзугбайя, застыв на корточках с железякой в руке. Не смог разогнуться. «Не надо было... Видел же, какой день невезучий сегодня! Пришел мой последний час», – подумал он и почему-то стал искать взглядом солнце, но и небо оказалось темным.

– Видишь, язык проглотил!

Гия узнал только Даура Квеквескири – видел его один раз. «Может, не узнает? Напрасная надежда...»

– Что, испугался грузин? Страшно теперь будет! Кто ты и что воруюсь? В последний раз спрашиваю, слышишь? – сказал Саид Тарба на безупречном мегрельском и взялся за автомат.

– Что ворую? Эсванджия я! Хозяин этого дом должен мне и не отдает никак. Не надо добра делать никому! Когда я стал его слишком часто беспокоить, сказал мне – у моего дома в Гали, мол, двери-окна совсем новые, каштан. Больше, говорит, нет никакой возможности. Взять с него нечего, а мне тоже непросто живется, а то какого черта я бы сюда сунулся! Староста Хурчи проводил меня до Набакеви, вы его, наверно, знаете... Но и он сюда войти не рискнул. Не бойся, говорит, никого там не будет... А сам там остался все-таки, – как можно жалостливее канючил Эзугбайя. «Кажется, не узнали, а то бы за ноги уже подвесили...»

– Что значит «какого черта бы я сюда сунулся»? Мы что, людоеды, что ли? Или что ты хотел этим сказать? – неожиданно по-грузински сказал Квеквескири, и в его глазах промелькнула злая искра.

– Нет, уважаемый, ничего подобного я не имел в виду, – по-грузински же начал Эзугбайя, но тут же перешел на русский. – Все-таки плохое время, беспредел и неразбериха вокруг...

– Давай, шмонай его! – сказал Саид Тарба Ираклию Гварамия.

– На, брат, смотри! – Гия осторожно встал на ноги, – нет у меня ничего. «Главное – не смотреть в сторону бани, иначе я погиб».

– А кто виноват, что беспредел, неразбериха и беспорядок? Кто этот беспредел начал? Вы, грузины! Вот и расплачивайтесь, – сказал Саид Тарба.

– Какие грузины, они мегрелы! Ну говори, ты мегрел или грузин, а? – спросил Даур

Квеквескири с нехорошей улыбкой.

«Все трое пьяные, этот Даур что-то плохо на меня смотрит. Неужели узнал? Или подозревает что-то?»

– Нет во мне ничего грузинского, говорю же, Эсванджия я, чистый мегрел, – Эзугбайя поймал этот жалкий тон, так и продолжал канючить. Легенду про Эсванджия он повторил, чтобы проверить, узнал ли его Даур Квеквескири.

– Что ж вы, несчастные, спелись с этими убийцами грузинами? Чего хотели?

«Если что – хоть этому проломлю голову, и будь что будет! Заколебал...» – смерив невысокого Даура взглядом и крепче сжав лом, подумал Гия.

– Не знаю, уважаемый.

– Чего не знаешь? – И вдруг перейдя на грузинский: – Чего не знаешь? Вы не туда и не сюда! Мы вас выгнали из-за измены, а грузины вас всегда беженцами и мегрелами будут называть. Всегда!

– При чем тут мы, уважаемый? Мы простые крестьяне, простой народ. Кто нас спрашивает?

– Вот потому-то вы и рабы. И что вам принесло это грузинское рабство – сами видите! Даже не понимаете, чье рабство лучше. Эх, грузины! – Квеквескири неопределенно махнул вооруженной автоматом рукой в сторону Ингури.

«Сам-то ты кто, тупица?» – Гия Эзугбайя еле сдерживался.

– Вы правы, уважаемый!

«Главное, не выдать себя, иначе крышка. В другое время... в другое время поквитаемся! Сегодня не мой день!»

– Да ты полегче, Даур, потише! Чего на человека накинулся? Безоружного легко обидеть! – Саид Тарба посмотрел прямо в глаза Гие Эзугбайя. Роста они были одинакового и смотрел он на него просто, спокойно.

«Как смотрит...», – смутился Гия.

– И правда, Даур, в последнее время ты как выпьешь... – сказал молчавший до этого Ираклий Гварамия.

Даур недобро сверкнул глазами, но промолчал.

– Отка* (*так в Западной Грузии иногда называют чачу и самогон) есть у тебя, дядя? – дружелюбно спросил Гварамия. – Сыро и холодно сегодня, всем бы не помешало!

«Делать мне нечего – поить вас моей чачей!»

– Откуда водка! А так-то, конечно, неплохо бы...

– Не бойся, грузин, зря не тронем! – сказал Саид Тарба.

– А ну-ка, открой дверь! – опять по-грузински сказал Даур. – И отойди.

И что-то сказал по-абхазски остальным.

– Правильно! – сказал Саид Тарба, заглянул через окна в комнаты, потом оглянулся вокруг и пошел прямо к бане.

«Ну, все! Теперь мне и Илорский Святой Георгий не поможет!» – подумал Эзугбайя и закрыл было глаза...

– Вспомнил! Кажется, я знаю, где можно найти немного водки! – воскликнул Эзугбайя и двинулся вслед за Тарба. – Нет, не здесь, не в бане! – Гия обогнал Саида и открыл ему дверь. А сам, пройдя за ним, прикрыл собой автомат и бронник. Саид Тарба между прочим окинул взглядом помещение через дверь и, не увидев ничего интересного, повернулся к дому.

– В кухне, может быть, оставили, в доме...

Войдя в свой собственный дом так, как будто он там впервые, Гия стал шарить по шкафам и незаметно оставил на полке фляжку с чачей. Гварамия и Квеквескири прошли вслед за ним и делово, похозяйски начали обыскивать то, что осталось от когда-то богатого дома.

Гия вышел во двор.

– Покуришь?

– Спасибо, брат, – искренне обрадовался Гия Эзугбайя и с первой затяжки ополовинил сигарету «Донской табак». Со второй дошел до коричневого фильтра.

– Можно еще?

– На, – Саид Тарба улыб-

нулся. – Да не волнуйся так, ты что...

– Эх, не знаю, брат, видел бы ты мой сегодняшний день! А тут еще это... – честно и по-грузински пожаловался ему Гия.

Саид молча, понимая кивнул.

– Ясно. Плохое время. Очень плохие вещи происходят, и когда это все кончится – никто не знает! – сказал он погодя.

– Нашел, кажется! – громко обрадовался Ираклий Гварамия. – Да, точно, водка!

– Дай бог тебе здоровья! – почти искренне обрадовался Гия Эзугбайя и почувствовал, что очень хочет выпить.

Ираклий достал из небольшого рюкзака копченый сулугуни, красную, острую абхазскую аджику и завернутое в белое полотняное полотенце холодное гоми, нарезанное узкими продольными кусками. Гия Эзугбайя только сейчас вспомнил, что целый день ничего не ел. Даур Квеквескири достал из стенного шкафа граненые стаканы для водки и сдувал с них пыль.

«Стаканы покойного бати». Гия отвел глаза от Даура, вертящего в руках отцовские стаканы. «Очень любил бабайа эти стаканы, они, он говорил, вмещают ровно столько, сколько выпьешь залпом. Садясь за стол, он обязательно должен был отметить, что их привез из Харькова его покойный дед. Ни за что бы не позабыл сказать – из Харькова. Что это значило – «из Харькова»? А? Я и джимая потихоньку посмеивались... Смейся теперь, у кого они в руках!»

Саид Тарба стоял посередине комнаты, не притрагиваясь к еде. И только когда чачу разлили по стаканам, произнес первый тост:

– За знакомство. Я Саид Тарба.

– Эсванджия, Заур, – Гия назвал первое пришедшее на ум имя. «Не забыть бы, что меня зовут Заур, нужно быть очень осторожным».

– Заур, это почти, как Даур, – Квеквескири смотрел холодно и испытующе, исподлобья. «Чувствует что-то, сердцем чувствует, проклятый. Нужно пить осторожно...»

– Я Ираклий Гварамия. Угощайся, съешь что-нибудь.

– Приятно, уважаемый. Благодарю...

– Да ешь, грузин, угощайся! Не бойся, не отравим! – Саид Тарба взглянул ему в глаза и улыбнулся.

– Ох, что вы, и в мыслях не было, уважаемый. «Какая искренняя улыбка у этого абхаза». Гия Эзугбайя макнул козий сыр в аджику и заел изрядным куском гоми. «Ух, ты! Как пробирает, ух, чтоб вас... Острее, чем наша аджика! Ух!»

– Еще по одной! – Гия взялся за фляжку и взглянул на Саида.

– Давай! – Тарба кивнул головой.

– За первое Евангелие, – начал было по-грузински Эзугбайя и осекся. Обвел взглядом всех троих.

– Аминь, – сказал Саид Тарба.

– За наши святыни! – сказал Даур Квеквескири.

Ираклий Гварамия молча чокнулся со всеми и вдруг затянул по-абхазски леденящим голосом:

– Аи-геде-ва-замааа, ти пхизлара фатима-а-а!

– Аи да рероша, варайда да варада, о-оо-о! – присоединился к песне Саид Тарба.

«Со смерти брата не было песен в этом доме, это в первый раз». И тут в голове Гии Эзугбайя впервые промелькнуло: «Они убили моего брата. Вава, джима! Они сожгли наши дома и выгнали нас из собственной деревни!»

– Арти кочи коморту до... – запел на чистом мегрельском Даур Квеквескири и положил руку на лечо Гии Эзугбайя.

– ... осурс гиригентиа-а! – не узнал собственный голос Гия. «Ты только посмотри на них! Ну, Саид Тарба, понятно, это Саид Тарба! А этим Гварамия и Квеквескири-то что от нас надо?! И даже как будто боль-

ше других на нас злы! Верность доказывают, что ли?»

Гулянка была в разгаре. Измученный за день Эзугбайя чувствовал, как уходит напряжение. Спокойно и уютно пьянел он на кухне собственного дома и все более подомашнему чувствовал себя с этими абхазами. Как будто, как раньше, с братом и родственниками отвлекались они от забот вечером многотрудного дня – водочкой и обществом друг друга.

«Они убили моего брата, – уже второй раз промелькнуло в его голове. – Не надо! Не нужны такие мысли...» Быстро пьянея, он все чаще возвращался к мысли, что пьет с врагами. «Эти люди убили брата!»

– Извиняюсь, я выйду на минуту, если можно, – сказал Гия Эзугбайя. Ему молча кивнули в ответ. – Я на минуту! – еще раз повторил он и вышел из-за стола.

Темная колхидская ночь была пропитана сырым и прохладным воздухом. Силуэт огромного инжирного дерева снова напомнил о брате. Джима любил инжир с этого дерева. Большие, с кулак, плоды приносило оно, и брат ел их с хлебом. Инжир и хлеб, летом больше ничего и не надо, говорил он... «Они убили моего брата...» – стучало в мозг.

Гия посмотрел в сторону бани и осторожно, стараясь не шуметь, пошел к ней. У самых дверей обернулся. Никого. В окне, освещенном желтым светом лампы, виден был один силуэт. «Как они беззаботны, даже не дают себе труда взглянуть... За человека меня не считают!» Гия Эзугбайя присел на корточки у двери и вслепую нащупал автомат. Рожки и бронжилет тоже были там.

Гия вернулся к дому. Оттуда был слышен тихий разговор на абхазском, с характерными свистящими слогами. «Они убили брата...»

Эзугбайя открыл дверь и вошел в комнату.

– Что-то ты долго. А мы тут за наших ангелов-хранителей

пьем, – сказал Даур Квеквесири.

– Слава ангелам-хранителям! – сказал Эзугбайя по-грузински и взглянул на всех прямо.

– Аминь! – опять сказал Саид Тарба.

– Поешь что-нибудь, дядя, а то опьянеешь, а тебе еще в Мегрелию возвращаться, – улыбнулся Ираклий Гварамия.

– Спасибо большое!

«Да, в Мегрелию возвращаться! Уух, суки! Что-то я правда пьянею! Как бы не стало это застолье последним для меня...»

Взгляд Гии застыл на сложенных в углу его дома автоматах. Ему казалось, что они увеличивались в размерах. Гия Эзугбайя мотнул головой, выпил и опять макнул сыр в аджику. Жевал механически, не ощущал остроты аджики и чувствовал, как голова наполняется черной мутью.

Несколько последних тостов выпили без него. Гия только чокался и пригублял, стараясь не замечать опьянения, слабости и напряжения.

– Ладно. Пошли мы. Сделай свое дело и постарайся до рассвета перейти Ингури. Ты, оказывается, нормальный мужик. Если опять придется приехать в Абхазию и будут какие-нибудь проблемы или вопросы неприятные, скажи, что дружишь с Тарба. Я – Саид Тарба, запомнил ведь? Мы, Тарба, умеем беречь и защищать своих друзей. Ну, прощай, и Бог в помощь!

Саид пожал Гие руку и взял свой автомат.

– Джгиробуа, бидзачкими! – по-мегрельски попрощался Ираклий Гварамия.

– Как ты сможешь, пьяный, один, да еще в такую темень дотащить эти окна-двери? – Даур Квеквесири, прощаясь, с сомнением качал головой.

– Одну-две рамы дотащу как-нибудь до Хурчи. Посплю часок и до рассвета вернусь за дверями. А что делать? Может, еще какая-нибудь добрая душа поможет...

Трое абхазов вышли в калянку, пошли вниз по улице и смешались с тьмой. Видимо, они направлялись к брошенной ферме на окраине села. Там теперь располагался местный штаб абхазской гвардии. Путь был неблизкий.

Гия Эзугбайя опустил на землю и сел, прислонившись затылком к стене своего дома. Ночной холодок слегка отрезвил его. Можно сказать, он неумолимо трезвел. Так же, как совсем недавно неумолимо пьянел, и не мог с этим ничего поделать. Теперь он трезвел, и с этим тоже ничего нельзя поделать. Гия сидел и смотрел на свое большое инжирное дерево. Чача выветривалась, голова прояснялась. Словно, нырнув на большую глубину и оттолкнувшись от дна, с еще большей скоростью летишь к поверхности воды.

А инжир темнел в ночи, шелестя при малейшем движении воздуха.

«Они убили моего брата». Гия вспомнил, как на асфальте, изрытом пулями и снарядами, окруженный гвардейцами, мхедрионовцами и добровольцами, лежал старший брат, которого он узнал сначала по черным ботинкам. Да, сперва он увидел ботинки... А где-то там, за инжирным деревом, угадывался сгоревший до основания дом брата.

Давно, еще в мирное время, когда он буйнил, спяну или просто так, жене было достаточно только позвать брата, и двухметровый Гия притихал и тихо ложился в постель. А брат приходил и, поднявшись на второй этаж, сначала выговаривал невестке: «Что это ты кричишь на всю округу, народ собрала! Что он такого сделал?!» А потом, повернувшись к брату: «А ты ложись спать сейчас же! Я с тобой завтра поговорю!» Назавтра, придя с утра к пристыженному младшему брату, начинал всегда одинаково: «Протрезвел, наконец? Пришел в чувство? Вымахал верзила двухметровый, а мозгов не прибавил ни грамма!

Поднимайся быстро и пойдём со мной!»

Гия улыбался своим мыслям. «Эх, джима, джимайя...» И вдруг снова в мозг ворвался поток фраз: «Они убили моего брата, и я его никогда не увижу... Они сожгли наши дома и выгнали из наших деревень, они истребляли нас и оставили бездомными и нищими, они забрали орешники и мандариновые сады, святыни, храмы и могилы, они заставляют нас красть из собственных сожженных домов оконные и дверные рамы, они привели русских и опять дали им стоять над нами! Они убили моего брата!»

Гия Эзугбайя встал, вошел в баню, надел бронезилят, проверил рожки, взял автомат и, заперев калитку, быстрым шагом пошел вниз по улице.

Он скоро нагнал их, но свернул во двор деда Мевлуда Корсантия, обошел его сожженный дом и засел у навеса рядом с забором.

Улица была довольно широкой. Все трое шли в ряд. Тот, что ближе, с краю, покачивался, слегка заплетая ноги. «Даур Квеквескири... Высокая фигура – Саид Тарба... А так-то хороший парень. Очень хороший...» От невесты откуда пришедшей жалости похолодело сердце. «Да, жалко! Сам ты жалок! Обмяк сердцем... Они убили твоего брата и потом целый вечер принимали тебя, как хозяева, в твоём же доме, насмехались над тобой и даже покровительствовали! Если б кто-нибудь из них узнал тебя, думаешь, они бы тебя пожалели? Рука бы дрогнула? Из-за нашей жалостливости случилось с нами то, что случилось!»

Гия перезарядил автомат.

И все равно не смог избавиться от сковывающей жалости.

«Сколько горя они принесли только в эту деревню? Ни одной семьи не обошли!»

Нет, не избавиться от холодной сердце жалости. Эзугбайя злился на самого себя. «Пошел ты!.. Жалко. Сколько наших погибло! Их не жал-

ко? Вон, они разгуливают по моей деревне, а я прячусь, как зверь... Почему я должен на это смотреть и терпеть?»

Гия Эзугбайя приложил приклад к плечу. Они почти поравнялись с ним. Вдруг, тот, что был в середине, отделился от остальных и подошел к дереву... «Нет, так не пойдет, неудобно...» Через минуту тот вернулся к остальным. Ветер донес обрывки фраз, тихий смех.

Тишину ночи взорвала автоматная очередь. Послышался холодный перезвон гильз.

Сначала три тени как-то странно дернулись, будто собирались танцевать. Потом тени замерли. Они еще стояли на ногах. Только дважды повторившийся тяжелый, металлический звук сообщил, что два автомата упали. Третий, видимо, все еще находился в руках. Потом, одна за другой, тени повалились, будто прилегли на асфальт, и, наконец, распластались. Даже в этой темноте Гие были видны последние подрагивания агонии. Эзугбайя отвел глаза.

«Что ты наделал, несчастный?!» – явственно послышалось в его голове. Никуда не девшаяся жалость острой бритвой разрешила душу изнутри. Он даже, кажется, слышал звук разрыва.

Внизу, на российском посту, взлетела красная ракета. Потом зеленая. Потом опять красная, зеленая и еще три красных.

«Нет, там мне уже не перейти, нужно обойти выше и топать по реке...» – подумал Гия Эзугбайя, поменял рожок, перепрыгнул через забор деда Мевлуда, поваленный русским бэтэром, и побежал вверх. Лишь краем глаза взглянул на распластавшихся на асфальте троих абхазов, которые лежали точно так, как те, другие, у Кочары и Лабры, в Гагре и на Гумисте, как его старший брат у Тамыша.

На краю деревни послышались выстрелы. На русском посту опять взлетела тревожная

красная ракета, потом зеленая, три красных, снова зеленая и опять трижды красная. «А-а-ай! Начались и у вас тревога и несчастье! Вашу маму и породу!» Гия, опять побежав к своему дому, вверх, остановился и, прицелившись, дал очередь по русскому посту. Пост откликнулся целым роем красных ракет, все небо зажглось огнями, как на праздник. В конце деревни ответили очередями из автоматов и ПК. По селу полоснули очереди из тяжелого пулемета. Так, вслепую. С поста пускали освещающие ракеты над центральной улицей Набакеви, над переправой на Ингури и выше, над самой рекой. Гия остановился, чуть присел и выпустил длинную автоматную очередь в сторону «мировотворцев». «А? Ну, как вы? Хорошо в тревоге и страхе, весело?! Мать вашу! Откуда вы приперлись? Что вы таскаетесь туда-сюда, кочевники проклятые!» На посту появились маленькие желтые светящиеся точки. Потом и внизу, у абхазов. Гия понял, что ищут. «Догадались сволочи, что я вверх пойду... Ла-а-а-дно... Посмотрим». И Гия побежал вниз по склону, засел у небольшого мостика и начал прицельно стрелять по русскому посту. Красно-желтые огоньки у поста заметались, и их стало как будто больше.

На краю деревни снова раздалась выстрелы.

– Идите ко мне! Идите! Мать вашу! Я Георгий Эзугбайя, грузин, мегрел и уроженец Гали! Идите и заберите мою страну и мою реку, мой дом и кров, а чтоб я не вернулся никогда, заберите мои кладбища и могилы, мои святыни и церкви, мою плоть и кровь! Идите! Идите, мать вашу! И чтоб вам как следует насытиться – вот вам горячий свинец!

Эзугбайя израсходовал и второй магазин. Приладил к автомату третий и снова дал длинную очередь по посту. Откуда-то пришли злость и энергия. Он больше не чувствовал усталости, страха. Ничего, кроме животной энергии

и злости. Небо над Набакеви было залито светом ракет, криками и выстрелами. Огоньки со стороны поста и с окраины словно размножились и стали приближаться. Выстрелы тоже ложились все ближе, уже слышен был свист пуль в листе. Гия вскочил и побежал вверх. Потом свернул в первый же двор и дальше, другими дворами, орешниками и мандариновыми садами, понесся к спасительной Ингури. Здесь он с детства знал каждый куст, каждую ложбинку или овраг, все тайные тропинки и сейчас безошибочным чутьем прокладывал себе кратчайший путь. Разгоряченный, он скоро почувствовал сырой запах реки и услышал шум и грохот неукротимого течения грозной Ингури. Не останавливаясь, он прямо с автоматом влетел в реку. За его спиной с главной набакевской улицы в сторону берега темноту прорезали две пары автомобильных фар и замерли. Потом началась оглушительная и беспорядочная стрельба. «Нашли!» – подумал Гия Эзугбайя, сначала топая по колени, потом по пояс в потоке. Река была теперь его единственным спасением и убежищем...

Русские подвесили над рекой осветительные ракеты. В красно-зеленом свете ракет бурный поток выглядел еще опаснее. Вода уже била его по груди, волны стали больше и мощнее, и в их грохоте стрельба и крики в деревни были теперь не слышны. «Назло вам не умру, суки!» – подумал Эзугбайя, и тут дно ушло у него из-под ног. Волны прокатились над головой и унесли с собой. «Все-таки не смог я сегодня умереть!» – с досадой подумал он и попытался избавиться от автомата. Но не смог – автомат с ремнем как будто прилип к мокрой одежде. Гия все-таки сумел вынырнуть, глотнуть воздух, но его снова накрыло с головой. «Ну все, пришел мой конец...» Собрав последние силы, он попытался плыть. И снова удалось сделать вдох, но река тянула вглубь. От на-

пряжения и отчаяния он стал таращить глаза в мутной и темной воде и от ужаса у него похолодело сердце – Ингури был красным, темно-кизиловым, в кровавом потоке плыл и тонул Гия Эзугбайя. «Мама-а! – орал он беззвучно. – Это что, ад?! Нэна, помоги мне!» Он еще раз попытался всплыть, вдохнул, но опять окунулся в кровавые волны. И вдруг в этом красном мареве появилось спокойное и улыбающееся лицо Саида Тарба: «Ничего, грузин, прорвешься!» «А-а-а!» – беззвучно орал Эзугбайя. Он закрыл глаза и еще яснее увидел его лицо и искреннюю улыбку и так же явственно услышал: «Не бойся, грузин, ты что? Никто тебя не обидит!» – «Вава, нэна! Вава!» Гия открыл глаза – лицо Саида Тарба было все там же, в несущемся к Черному морю потоке красной реки, в котором тонул Гия Эзугбайя. «Ты говорил, что сегодня не твой день, а оказалось, что не мой... – Саид грустно улыбнулся. – Не бойся, грузин, все будет хорошо...» И исчез.

Гия почувствовал боль в плече. Это он наткнулся на камень. «Все! Наверно, я умер...» Но вдруг красный цвет воды пропал. Гия лежал на речной гальке ногами в воде.

«Выплыл!» – дошло до него. На противоположном берегу металась огни. Далеко-далеко слышались выстрелы.

Гия сел, пытаясь перевести дух. «Нашли, наверно, ребят, поэтому стреляют и мечутся... Что ты наделал, Гия Эзугбайя?! Зачем? Зачем?.. Они убили моего брата...» И впервые ничего не почувствовал от этих слов. «Не они убили брата. У Тамыша его убили русские. Абхазов там вообще не было. И если бы даже были, все равно не они убили джиму...»

Эзугбайя смотрел на реку. Обычная вода – мутная и... цвета воды. Воздух сырой и прохладный. Что это было? Почему мне привиделся этот абхаз? Гия перекрестился.

Что ты наделал, Гия Эзугбайя, несчастный! Люди хлеб-

соль с тобой разделили, выпили за здоровье, а потом ты, проводив их из своего дома, догнал и убил?!

Да какие люди? Враги это были, враги! Они нас убивали, сжигали... Помогли русским победить нас.

А сейчас ты победил? Убив их, победил? В войне проигрывает не тот, кто погибает, а тот, кто теряет свой дом. А они и мертвые лежат в твоей деревне. А ты, живой и здоровый, куда теперь пойдешь? Даже рамы из собственного дома украсть не смог. Иди, возвращайся обратно, если ты победил.

Гия освободился от автомата, расстегнул куртку, из которой полилась вода...

Что ты наделал, Гия Эзугбайя, несчастный, что ты наделал?! Боже, не могу я так больше, хоть ты скажи мне, если ты есть, в какой омут мне прыгнуть, об какую стенку разбиться?

Гия Эзугбайя заплакал. Горько и безутешно, как ребенок.

Куда мне пойти? Этой стране я не нужен. Чей я? Кому я нужен, кто меня приютит? Для чего я похоронил всю свою семью? За что воевал и убивал? Что мне делать, кто я здесь?

Вдруг он перестал плакать.

Что делать, что делать! Если ты не человек, то хотя бы оставайся мужчиной! Видишь ведь, что спасения нет! Давай, Гия Эзугбайя, давай, мать твою!

Он провел мокрой рукой по мокрому лицу, вытер руку о мокрую куртку, дотянулся до автомата, приставил дуло к подбородку и нажал курок.

Послышался сухой щелчок.

Снял рожок, посмотрел. Пусто.

Гия долго сидел и смотрел через реку на свою деревню. Потом, спустя много длинных минут, почувствовал, что дрожит всем телом. Встал и пошел к горящим вдалеке огням. Под ногами скрипела и хрустела речная галька. А он шел – мокрый, продрогший и проигравший, держа в руке пустой автомат.

ВПЕРЕД, В ПРОШЛОЕ

Два замечательных этнофестиваля, первый и 21-й, прошли этим летом в Грузии: в июне – «Ethno-Georgia 2024», в июле-августе – «Art-Geni 2024».

Традиции разных народов заиграли национальными красками на первом международном этнофестивале «Ethno-Georgia 2024» в Грузии. В Кахети, на территории исторической крепости короля Левана в селе Шилда, в июне собрались представители семи стран: Японии, Турции, Испании, Италии, Норвегии, Казахстана и Грузии. Проект состоялся при поддержке Министерства культуры и спорта Грузии.

Фестиваль был посвящен культуре и национальным боевым искусствам разных народов. Оружие, костюмы, реконструкция битв гладиаторов, скандинавов, борцов сумо, чидаоба, казакша курес – все это грузины объединили в едином пространстве дружеской атмосферы.

Организатор этнофестиваля Георгий Шиукашвили считает, что такие мероприятия способствуют сплочению традиций и людей: «Цель фестиваля – объединение народов и демонстрация старинных традиций. Мы хо-

тим, чтобы народы гордились своими традициями, ценили их, передавали из поколения в поколение. Из этого и складывается уважение друг к другу».

Гладиаторы, викинги и сумоисты выступили на одной арене под аплодисменты зрителей. А экскурс в историческое прошлое и национальные

мелодии дополняли атмосферу реконструкций древних битв и сражений. Захватывающее представление показали хозяева фестиваля – реконструкцию чидаоба, грузинской национальной борьбы в одежде.

Директор музея оружия Давид Насаридзе развернул на территории праздника настоящую кузницу, а также организовал широкую выставку: «Здесь представлено грузинское оружие: кремневое оружие – пистолеты, ружья, мечи, сабли, шашки XVIII- XIX веков, копья. Кроме этого, от музея оружия мы представили бронзовое оружие, которое было в ходу 3-4 тысячи лет назад. А также оружие средневековья: латы, броню, кольчуги, которые были у грузинских воинов того времени и наших соседей – турок и скифов. Представлена ламеллярная броня византийского типа – это пластины, сплетенные между собой шнуром. Есть ядра, пушки. Шлемы и наряды, которые можно примерить, сфотографироваться».

Давид Насаридзе сам неоднократно организовывал исторические реконструкции – такие показы или участие в них порой входят в его экскурсионную программу для туристов. Однако Давид подчеркивает, исторического праздника такого масштаба в стране еще не бывало: «В Грузии никогда не проходил большой фестиваль реконструкции, это первый прецедент. Мы проводили маленькие, где отображали места и день битвы. А это уже международный фестиваль, в котором принимают участие зарубежные борцы. И еще один важный момент: здесь на выставке представлен огнестрельный период. Обычно грузины показывают боевые искусства в основном с применением холодного оружия. А в будущем мы планируем реконструировать и огнестрельный период времен правления Ираклия II, известного своей сильной артиллерией и владением огнестрельным оружием кремневого типа».

Следующий этнофестиваль состоится 7 октября. Организаторы намерены проводить мероприятие несколько раз в год и сделать его еще более мас-

штабным. К примеру, осенью для участия приглашают около тридцати стран. В программу, помимо демонстрации боевых искусств, войдут мастер-классы по борьбе, кулинарии и танцам.

Юлия ТУЖИЛКИНА

Фото: Шалва Сурамелашвили

* * *

в Тбилиси и регионах прошел XXI фольклорный фестиваль «Art-Geni» – один из самых известных и любимых фестивалей Грузии.

Первое мероприятие состоялось 14 июля в селе Цхрацхари Зестафонского муниципалитета – именно здесь почти 130 лет назад Варинка Церетели написала песню «Сулико» на слова Акакия Церетели, а заключительное – 3 августа на озере Пантиани в Дманисском районе. В Тбилиси, по традиции, фестиваль прошел в Этнографическом музее под открытым небом. С концертами выступали группы «Чвенебуреби», GAGA FRANI, Reggaeon, Нино Катамадзе и группа Insight, ансамбли «Сухишвили» и «Чакруло», группы «33А» и Tamada. В этом году Art-Geni пригласил музыкантов еще из четырех стран: Чехии, Южной Кореи, Польши

и Израиля. В рамках фестиваля были организованы уголки грузинского вина и кулинарии, выставки-продажи.

За две недели фестиваль принял около 50 тысяч зрителей.

С момента своего основания в 2004 году Art-Geni собрал и заархивировал уникальные этнографические материалы по всей Грузии. Главная цель фестиваля неизменна – популяризация грузинского фольклора, ремесел и традиционных боевых искусств.

СОБ.ИНФ.

Фото: Art-Geni Fest

Н. Равва и Р. Эрадзе

Р. Эрадзе, Г. Олафссон, Т. Пачкория, А. Петерсон

СПОРТСМЕНЫ ГРУЗИИ В ИСЛАНДИИ

Тенгиз ПАЧКОРИЯ

Тбилиси-Рейкьявик-Тбилиси

В последние три десятилетия более полутора миллионов жителей городов и сел Грузии по разным причинам покинули страну и проживают за рубежом. Среди них есть несколько сотен спортсменов, которые продолжили карьеру в других государствах. Сегодня мы расскажем о наших спортсменах, живущих в Исландии.

Имя Роланда Эрадзе хорошо известно поклонникам и специалистам гандбола. Он начал спортивный путь в родном Тбилиси, где родился в 1971 году, вырос, играл в детских и юношеских командах, был признан лучшим вратарем республиканских и всесоюзных турниров, играл за юношеские сборные Грузии и СССР, выступал в знаменитом клубе «Буревестник» Тбилиси. В 1990-х годах он играл в тбилисском клубе «СТУ-Шевардени» (многократный чемпион Грузии), в клубах Сербии, Ирана, в 1991-2000 годах был голкипером национальной сборной Грузии. С 2003 по 2008 годы выступал за национальную сборную Исландии, играл на чемпионатах мира 2003, 2005 и 2007, на Олимпиаде-2004, четыре раза признавался лучшим

вратарем Исландии. После завершения карьеры игрока работал тренером – в Исландии, Грузии, Украине.

Мы встретились с Роландом в Рейкьявике.

– Вы уже 24 года живете в Исландии, привыкли к стране?

– Конечно, привык. У меня здесь много друзей, коллег, знакомых, но я и моя семья скучаем по Грузии и, как только появляется возможность, летим в Грузию. Вот и сейчас собираемся на родину, проведем там целый месяц. Повидаю ребят, с которыми играл в гандбол и дружу по сегодняшний день.

– Гандбольные сборные Исландии и Грузии играют в одной отборочной группе чемпионата Европы-2026. Каковы шансы команды Грузии?

– Исландия считается фаворитом группы, думаю, что борьбу за второе место в состоянии вести и Грузия, и Греция, и Босния. Я рад, что сборная Грузии в последние годы прогрессирует, что она играла на ЧЕ-2024 в Германии. В ноябре сборная

Р. Эрадзе с дочерью

Исландии прилетит в Тбилиси на матч с ней Грузии, а в мае 2025 года в Рейкьявике состоится ответная игра. В ноябре я хочу прилететь в Тбилиси в составе делегации Исландии. Я гражданин Исландии, но, как вы догадываетесь, буду болеть за Грузию, и к этому, думаю, в Исландии отнесутся с пониманием.

– Ваша дочь Мариам – гандболистка, она продолжает спортивную карьеру?

– Она родилась в 1998 году в Тбилиси. Ей не было и трех лет, когда наша семья переехала в Исландию, где я играл в местном клубе. Мариам играла в клубах Исландии и Франции, выступала за национальную сборную Исландии, год назад получила травму, многое про-

пустила, но будет продолжать играть.

В Рейкьявике мы пообщались и с супругой Роланда, волейболисткой Натальей Равва.

– Поклонники волейбола хорошо помнят и вас, и вашу сестру, Викторию, которая уже много лет живет во Франции.

– Я тоже не забываю родную Грузию. Я родилась и выросла в Тбилиси, выступала за клубы и сборную Грузии – до 2000 года. Играла вместе с Нино Мгебришвили, Хатуной Георгадзе, Тамри Латария, Лелой Синджикашвили, Натальей Сальниковой... Им и всем моим подругам и коллегам хочу передать сердечный привет.

– Вы играли и в Исландии?

– Да, выступала за местные клубы, была обладателем Кубка страны, победителем турниров, а в последние годы играю в турнирах ветеранов волейбола Исландии, так что я в хорошей спортивной форме. Кроме того, работаю тренером, немало моих воспитанниц играли и играют в сборной Исландии. Мои ученики были и в той сборной Исландии, которая сыграла 2 июня текущего года в Тбилиси матч со сборной Грузии (Грузия выиграла 3:1 – прим авт.). Я внимательно слежу за волейбольными новостями Грузии и очень рада, что в последние годы определенных успехов добилась как молодежная, так и национальная женская сборная Грузии.

Н. Кварцхава с супругой

Добавим, что мать Натальи Людмила Равва и отец Виталий Равва также были волейболистами. Они играли в тбилисском «Буревестнике» в конце 1960-х – первой половине 1970-х годов, выступали, соответственно, за женскую и мужскую сборные Грузии. Впоследствии Людмила Равва занималась тренерской работой, немало сделала для того, чтобы дочери Виктория и Наталия стали успешными волейболистками.

Людмила и Виталий в Исландии с 2001 года. «Мы с супругой находились во Франции, в гостях у нашей дочери Виктории, и решили поехать в гости к Ро-

Н. Кварцхава с сыном

ланду и Наталье в Рейкьявик на четыре дня. Но так вышло, что живем здесь уже 24 года», – сказал нам Виталий. Они с Людмилой тоже просили передать привет их коллегам и друзьям в Грузии.

В Исландии с 2018 года проживает уроженец Сухуми Нугзар Кварцхава. В разные годы он играл за сухумский футбольный клуб «Динамо», за команду Грузинского института субтропического хозяйства (ГИСХ функционировал в Сухуми до 1993 года). Команда ГИСХа была победителем множества турниров, в том числе стала чемпионом СССР 1975 года среди команд сельскохозяйственных вузов Советского Союза. После войны 1992-1993 гг. он вместе с супругой Мимозой Заракуа, уроженкой Гальского района, и детьми – сыном Темо и до-

черью Тамуной, жил в Тбилиси, с 2000 года – Нугзар, Мимоза и Темо жили в Португалии, с 2018 года – в Исландии, где с 2021 года проживает и Тамуна.

– В команде ГИСХа вы играли вместе с легендарным вратарем Отаром Габелия...

– Да, Отар, как и я, был студентом ГИСХа, мы пару лет играли вместе в команде нашего института. Я был защитником, и он называл меня «Хурци» – в честь легендарного защитника, капитана тбилисского «Динамо» и сборной СССР Муртаза Хурцилава. В 1972-1973 годах Отар играл за сухумское «Динамо»,

затем три года за «Торпедо» Кутаиси, потом – за тбилисское «Динамо». В то время, помню, он пару раз помог мне и моим товарищам в получении дефицитных билетов на матчи динамовцев в Тбилиси. Я и сейчас время от времени с ним общаюсь.

– Вы были на матчах сборной Грузии на чемпионате Европы в Германии.

– Да, мы с сыном болели за Грузию на матчах нашей сборной с Турцией, Чехией и Португалией, потом я вернулся в Исландию, а Темо был и на игре с Испанией, а затем вылетел в Ригу на матчи квалификационного этапа Олимпийских игр с участием баскетбольной сборной Грузии. Хочу от всего сердца поздравить Национальную футбольную сборную Грузии с красивой игрой на чемпионате Европы.

СИМВОЛ МИРА И ДОБРА

■ Соб.инф.

19 июня 2024 года любекское литературно-музыкальное общество «Арион» отметило 20-летний юбилей.

В условиях иммиграции культура является стержнем духовного выживания. В этом плане большую роль играют культурные центры, которые объединяют людей по интересам, помогая каждому обрести себя в кругу друзей-единомышленников.

Одним из таких центров стало литературно-музыкальное общество «Арион», созданное в Любеке в 2004 г. приехавшей из Тбилиси доктором филологических наук Марией Кшондзер. Известный ученый-литературовед, автор многочисленных научных работ, двух монографий по проблемам русской литературы и литературных взаимосвязей, участница Международных конференций и симпозиумов, Мария Кшондзер в течение

многих лет возглавляла в Тбилиси литературное Пушкинское общество, поэтому, имея большой опыт общественной работы, решила и в Германии организовать подобный культурный центр. Чтение лекций в еврейской общине Любека (М. Кшондзер в период с 2001 по 2004 год вела в ЕОЛ литературный клуб и прочла большое количество лекций и семинаров по русской и мировой культуре) показало, что назрела необходимость в возникновении интеграционного общества.

В Германии много русскоязычных культурных центров, объединяющих соотечественников, однако немногие из них сохраняют свою актуальность относительно долгое время. «Арион» работает уже 20 лет, и за эти годы его авторитет признан не только в Любеке, но и за его пределами. Деятельность общества разнопланова: лекции, круглые столы, обсуждение литературных произведений и актуальных

культурологических проблем, поэтические вечера, встречи с интересными людьми, концерты. Новым и плодотворным направлением деятельности «Ариона», имеющим очень большое значение для интеграции в немецкое общество, стало проведение в аудиенц-зале городской ратуши Любека (Lübecker Rathaus) ряда двуязычных литературно-музыкальных вечеров, посвященных юбилейным датам выдающихся русских писателей.

Русско-немецкие композиции, всегда проходящие при аншлаге, вызывают большой интерес публики и имеют неизменный успех. За годы существования общества были проведены вечера, посвященные творчеству Н. Гоголя, А. Чехова, М. Лермонтова, И. Тургенева, А. Пушкина, Л. Толстого, М. Булгакова, Б. Пастернака, О. Мандельштама, в этом году готовится вечер к 135-летию А. Ахматовой. Чтение текстов на русском и немецком языках (М. Кшондзер и G. Torlitz),

прекрасное музыкальное сопровождение (А. Неволович, Н. и М. Неволович, А. Нерсесян, И. Левитан) создают неповторимую творческую ауру, объединяющую людей вне национальных, политических и идеологических различий. Вечера проходят при финансовой поддержке Lübecker Pössel Stiftung. Эти встречи стали событиями в культурной жизни Любека и нашли отражение в немецких СМИ.

Общество существует как культурное объединение в составе Förderverein Bürgerhaus Vorwerk-Falkenfeld e.V. (Elmar-Limberg-Platz 4, 23554 Lübeck, Vorsitzende Melanie Hardt, Kassenwart Rudolf Jürs).

Юбилейный вечер «Ариона» прошел в теплой, душевной атмосфере, приехали гости из Гамбурга, пришло множество поздравлений от друзей из Грузии, от участников работы общества из Бремена, Бад-Зегеберга, Райнланд-Пфальца, Москвы и других городов и стран. В поздравлении от «старшего брата» любекского «Ариона» – Пушкинского общества русскоязычных литераторов Грузии «Арион», подписанного его председателем Михаилом Айдиновым, отмечалось: «Уважаемые коллеги! С большим удовольствием поздравляем вас со славным юбилеем! С интересом следим за вашей деятельностью благодаря в том числе видеозаписям заседаний, вечеров, мероприятий любекского «Ариона». То, что вы делаете, трудно переоценить, ведь вы сохраняете русский язык, литературу, культуру – неотъемлемые части общеевропейской и общемировой культуры. Неоценимую роль в вашей деятельности играет доктор филологических наук Мария Кшондзер, стоявшая у истоков Пушкинского общества русскоязычных литераторов Грузии «Арион», долгие годы возглавлявшая его и по сей день публикующаяся на страницах литературного альманаха «На холмах Грузии», который осенью отмечает свое 20-летие (планируется выпуск юбилейного 40-го номера). Талантливого ученого-литературоведа,

умную, красивую женщину до сих пор добрым словом вспоминают в Тбилиси. Нам ее очень не хватает. Еще раз поздравляем с праздничной датой!»

В поздравлении от тбилисского литературно-музыкального и театрального салона «Обводный переулоч», возглавляемого Артемом Киракозовым, также говорилось о том, что любекский «Арион» выполняет очень важную функцию – несет «свет культуры, гуманизма и литературного просвещения».

Были получены и поэтические поздравления. Леонид Блюмкин, член литературного объединения «Источник» (Гамбург, руководитель – Юрий Белаковский), поддерживающего с любекским обществом многолетние творческие и дружеские связи, посвятил «Ариону» воодушевляющие строки:

В стране, где разных языков смешенье,
И в городе, где Томас Манн рожден,
Ворвался в жизнь без страха и смущенья
Глаголящий по-русски «Арион».
Неутомимой женщиной ведомый,
Да не простой, а доктором наук,
Он стал подспорьем для людей весомым,
Как настоящий, самый близкий друг.
Вам Любек – дом, и вы в нем знамениты,
Известно многим имя «Арион».
Но с миром всем Вас связывают нити,
Неся тепло из-под родимых крон.
Вы все достойны памятника в бронзе –
Портрет скульптурный, яркий, групповой.
А впереди – сама Марина Кшондзер
И лира звонкая над головой!

Поэтесса из Бремена Гя Коган, неоднократно выступавшая в «Арионе», провела поэтический мост между любекским «Арионом» и древнегреческим поэтом Арионом, в

честь которого названо общество:

Арион любил,
известно, ямбы,
Проявляя в рифме мастерство.
Он – создатель жанра дифирамбов,
И один сегодня – для него.
20 лет ты созывал на вече,
Лиры звук направив в небеса.
Голос твой нас обнимал за плечи,
Зажигал надеждою глаза.
Проходили месяцы в тревоге –
Время не щадит своих детей.
Мы друзей теряли по дороге,
Ну а ты нас спланировал есней.
Будь же с нами долго, очень долго,
Дай поддержку в этой маете,
Дай нам силы в исполненье долга
И в священной верности мечте.

К юбилею общества Мария Кшондзер подготовила новый сборник своих научных трудов, который выходит в Москве в издательстве МГУ. Она посвятила его памяти своей мамы Натальи Ильиничны Кшондзер, недавно ушедшей из жизни. Редактор книги Сергей Долгов, участник собраний «Ариона», поэт и переводчик, также поздравил юбиляров: «Ваше общество – тропинка света в настоящем и будущем. Именно культура – показатель не только зрелости, но и состояния цивилизации. Мне посчастливилось несколько раз выступать перед вашей внимательной и вдумчивой аудиторией со своими переводами из Эмили Дикинсон и других классиков англоязычной литературы и со своими стихами. Для меня это было интересно и полезно. Показательно, что вы работаете не в каком-то одном, заданном направлении, ваши вечера стремятся к разнообразию – непременно свойству самой культуры. И, конечно, очень важно, что вы не делите культуру по национальным признакам, уделяя внимание и

Праздник в «Арионе»

русской, и немецкой, и вообще мировой культуре.

К юбилею общества Мария Кшондзер подготовила к печати и свой новый сборник научных статей «Литература в зеркалах времени». 18 статей, включенных в книгу, посвящены исследованию творчества и анализу произведений целого ряда выдающихся писателей, поэтов и философов – от Петра Чаадаева до Григола Робакидзе и Иосифа Бродского. Автор не ограничивает себя рамками одного-двух жанров. Предметом ее анализа становятся и проза, и поэзия, и драматургия, и философия: рассказ «Штосс» – неоконченный шедевр Лермонтова, Н. Гоголь в оценке Александра Блока и

Андрея Белого, средневековый концепт слова и молчания в контексте творчества Осипа Мандельштама, тема предвидения в пьесе Е. Замятина «Огни святого Доминика», Д. Мережковский в оценке Григола Робакидзе... Уже из названий статей видно, что Мария Карловна берется за исследование самых сложных авторов и тем в истории литературы почти в двухсотлетнем временном диапазоне ее развития. Берясь за масштабные проблемы, исследуя сложнейшие произведения, она всегда не только интересна, доказательна, конкретна, но и немногословна, продолжая лучшие традиции отечественной филологии. Мария Кшондзер – человек культуры, причем в разных ипостасях, и очевидно, что без ее знаний, труда, терпения и энтузиазма этого юбилея сегодня не было бы. Поэтому я говорю: «Спасибо!»

Поздравления поступили и от друзей «Ариона» из разных земель Германии – от писательницы Виктории Миллиан (Бад-Зегеберг) и историка Владимира Корниенко (Рейнланд-Пфальц).

Все выступающие гости и члены общества говорили о том, что «Арион» стал за годы существования не только очагом культуры, но и местом встречи единомышленников, говорящих на языке творчества и любви друг к другу, что

очень важно в наше сложное и драматичное время. Многих замечательных людей, вложивших большой вклад в работу общества, уже нет с нами физически, но они живут в наших душах и сердцах.

На вечере звучала прекрасная музыка в исполнении Натальи Дачкиной, Галины Федудиной и Григория Стыскина, были показаны видеозаписи из архива «Ариона». Завершил вечер замечательный фуршет, подготовленный незаменимой Инной Самойловой с помощью Виктора Солодаря.

В заключение торжества Мария Кшондзер поблагодарила всех присутствующих за организацию и участие в работе общества, особенную бла-

годарность она выразила руководству Bürgerhaus Vorwerk Falkenfeld и лично Herr Rudolf Jürs за многолетнюю моральную и финансовую поддержку общества, а также Possehl Stiftung Lübeck, без помощи которых общество не могло бы проводить столь масштабные мероприятия.

С юбилеем, «Арион», символ мира и добра на многие годы!

ЕЕ ЗВАЛИ МАРИЕЙ

Фрагменты из книги

■ Яков ГУРЕВИЧ

Если бы не было того страшного июньского рассвета и людских толп под черными тарелками репродукторов... Если бы долгих четыре года не лилась кровь, не рушились судьбы и не сходили до срока матери в могилы, мечтая, как о последней милости, увидеть перед смертью детей своих...

Если бы не война...

Но она была, она оставила на нашей земле глубокие незаживающие шрамы. И от этого ни убежать, ни укрыться, ни спрятаться. И вот теперь мы идем по следам одного из них, чтобы вырвать из безвестности еще одно имя, еще одну человеческую судьбу. Мария Кулькина.

Ответ из Центрального архива Министерства обороны:

«На ваш запрос сообщаю, что в приказе по 267 истребительному авиаполку №055 от 31.5.44. г. значится:

«Летный состав 267 ИАП, погибший в воздушных боях 20 мая 1944 года в районе Красный Молдованец, исключить из

списков части и всех видов довольствия:

...2. Летчик – младший лейтенант Кулькина Мария Ивановна, 1919 года рождения, урож. г. Вольск Саратовской области, сбитая в воздушном бою, сгорела в самолете».

И вот – молдавская земля раскрыла свою тайну.

Осторожно, затаив дыхание, мы передавали из рук в руки мотор самолета, лопасть винта, пушку со снарядом в казеннике, пулемет со вставленной лентой, шасси, радиатор, снаряды к пушке, патроны к крупнокалиберному пулемету, парашют, во многих местах обожженный, со следами крови, с заводским штампом и номером 062250. Извлекли останки человека, которые не оставляли никаких сомнений – истребитель пилотировала женщина. Шлем, обрывки брюк, залитые кровью и обгоревшие; в кармане брюк, застегнутом английской булавкой, – носовой платок; погонь со следами одной звездочки –

младший лейтенант. Когда раскопки уже подходили к концу, в отвалах земли нашлись документы. Кандидатская карточка на имя Кулькиной Марии Ивановны, выданная в марте 1942 года политотделом Грузинского управления ГВФ. Удостоверение, подписанное начальником штаба воинской части (полевая почта 40.404) Вольским: «Кулькина Мария Ивановна состоит с 10 ноября 1942 года на военной службе в Советской Армии». Орден Красной Звезды...

Что же она была за человек, младший лейтенант Мария Кулькина? Где росла и училась? В какой семье воспитывалась? Как протекал тот последний бой?

У нас были все основания считать результаты поиска успешными. Мы извлекли из земли, казалось бы, навечно схороненные в ней обломки истребителя, прочертившего некогда последнюю молнию в небе Молдавии, – освященную временем реликвию минувшей войны. Мы вернули из безвестия имя летчицы, которое сохранилось в памяти очень не многих людей. Мы сделали для десятков, сотен юношей и девушек Великую Отечественную войну глубоко осозаемым, личным переживанием – таково свойство обретенного чувства причастности к героическим страницам

ратной летописи народа.

И все же этого было мало. Поиск надо было продолжать...

Я доставал карту и долго сидел над ней, разглядывая маленький кружочек на правом берегу Волги и начинающийся почти рядом с кружочком голубоватый разлив Волгоградского моря. Вольск. Город, в котором родилась Мария. Мысленно я пробовал представить себе улицы города, набережную, небо над ней и – Волгу, широкую и величавую...

Далеко от Кишинева этот город на Волге. Так далеко, что только на третий день междугородняя телефонная станция дает мне возможность поговорить с Вольском, с секретарем горкома партии. Подробно рассказываю о нашем поиске, о результатах, прошу узнать что-нибудь о родных и близких Марии.

А накануне пришло письмо из Тбилисского аэропорта. «С большим волнением, – писала библиотекарь В.В. Белоусова, – прочитали мы о поисках места гибели Марии Кулькиной. Ее бывшие подруги и товарищи Мария Курсова, Мария Вашакидзе, Римма Джоджуа, Тамара Малашвили, Николай Томадзе и многие, многие другие, ныне работающие на разных должностях в Тбилисском аэропорту, хорошо помнят славную летчицу по совместной учебе в Батайском летном учи-

лище, по годам ее работы с мужем Сергеем Псаревым (погиб на штурмовике «Ил-2») в Тбилиси, бережно хранят ее фотографии».

Римма Балабина-Джоджуа, которая училась вместе с Марией в Батайске, прислала интересные снимки. На одном из них – занятия в классе: Мария, совсем еще девочка, внимательно слушает преподавателя. На другом – большая группа девушек, коротко, по моде подстриженных, в летней форме; подпись под снимком – «Выпуск пилотов, 1939 г.» Первая в мире женская эскадрилья. Мария – в третьем ряду, с мягкими чертами лица, необыкновенно теплая, женственная.

Потом, оглядываясь на те первые дни поиска, когда одно за другим мы получили так много ценных сообщений о погибшей летчице от людей, живущих в самых отдаленных уголках страны, я невольно задумывался: нет, память войны – это не громкая фраза, не красивые слова и не состояние одного человека. Слишком глубоко распахала война судьбы целого народа, так глубоко, что и десятилетия спустя все так же пахнут поля для нас гарью, а сохранившиеся в лесах воронки отзываются давней болью старых ран. И

сидят люди за письма, чтобы поделиться, рассказать, как все было.

Не секрет, что для молодежи Западной Европы война уже отодвинулась так далеко, что от нее пытаются отмахнуться, забыть, как страшный сон. Помните документальный фильм Григория Чухрая «Память» – опрос жителей Европы о том, помнят ли они Вторую мировую войну, и что знает о ней молодежь? Лицо двадцатилетнего молодого человека при упоминании имени Гитлера остается непроницаемо-бесстрастным, это имя ему ни о чем не говорит. Многие из них не знают, что такое «Сталинград», никогда о нем не слышали.

Но мы – мы не забыли ничего. Не имеем права. Ведь это наших дедов и отцов призвало суровое время на защиту своего дома, своей земли. И те, что вернулись живыми, те, что рядом с уцелевшим костюмом повесили в шкафах свои обтрепанные, во многих местах обгоревшие и побитые осколками старые шинели, до последнего своего часа ощущали внутреннюю потребность поведать людям о друзьях-товарищах, на долю которых выпало испить смертную чашу...

И вот эти воспоминания, достаточно обстоятельные, пронизанные горечью утраты и трепетной любовью к сестре и фронтовой подруге, – лежали на моем письменном столе. Потом мне довелось встретиться с их авторами – с учительницей немецкого языка Лидией Кулькиной, сестрой Марии, и инженером одного из мытищинских предприятий Юрием Антиповым. Я познакомился с письмами Марии, увидел ее фотографии. И все ярче, все отчетливее стал вырисовываться облик этой молодой женщины, такой, какой она была и какой осталась в памяти знавших ее – яркой, неугомонной, порывистой, целеустремленной.

А встречи с Риммой Джоджуа, подругой по учебе в летной школе, с Зоей Талыгиной-Говор, соседкой по квартире в Тбилиси, и другими – еще более укрепили это впечатление.

...Сохранилась выписка из аттестации на курсанта Батай-

Мария Кулькина с мужем Сергеем Псаревым

ской авиашколы М.И. Кулькину. Долгие месяцы изнурительных тренировок, упорных занятий в классах, влюбленность в небо и неоспоримость первых успехов легли на бумагу краткими, как боевой приказ, служебными формулировками: «Дисциплинирована на земле и в воздухе. К материальной части относится хорошо... Теоретическая успеваемость с оценкой 4,0. Летная успеваемость на самолете «У-2» хорошая и отличная».

Потом началась работа в Грузинском управлении Гражданского Воздушного Флота.

Спустя много лет техник по приборам Мария Курсова, прожившая тоже сложную и трудную жизнь, будет вспоминать о Марии с какой-то пронзительной грустью и восхищением: «Дружили мы недолго, но разве настоящая дружба измеряется временем или, как принято говорить, количеством съеденной вместе соли? Чтобы быть истинными друзьями, нужно просто ощущать надежность, прочность плеча товарища. У Маши было именно такое плечо – в ней не сомневались даже те, кто знал ее совсем недолго. Талант у нее, что ли, был такой, не знаю, но льнули к ней все... Маша летала на «По-2», чаще всего по маршруту Тбилиси-Баку-Тбилиси, в Кахетию. А я обслуживала самолеты, в том числе, и ее машину. Жизнь протекала в четком ритме: вылет самолета – возвращение. На традиционный вопрос: «Как работала матчасть?» – такой же традиционный ответ: «Все в порядке!» Маша обычно произносила эту фразу задорно, даже немного с вызовом, и на душе становилось как-то легко. Правда, тревога в промежутках между вылетом и прилетом все равно не покидала, это чувство во мне до сих пор живет...»

Сколько людей – столько представлений о человеке. И, наверно, естественно, что, вспоминая о другом, каждый выделяет в нем те качества, те черты характера, которые ближе, роднее, понятнее ему самому.

Зоя Талыгина-Говор, диспетчер по транзиту службы перевозок Тбилисского аэропорта,

считала, что одной из самых ярких черт Марии Кулькиной была ее удивительная привязанность к детям. Невыносимо страдала она, когда в полуторагодовалом возрасте умер Игорек. Может, эта смерть и легла трагическим отсветом на всю ее дальнейшую жизнь?

Зоя Марковна вспоминала: «Детей она любила неистово. От моей дочурки не оторвать, бывало. И все гостинцы, гостинцы. Из каждого полета – то игрушки, то фрукты. И как соберутся вместе – целыми часами возня, хохот. Мы уж не вмешивались, рады были, что оттаивает потихоньку сердцем...»

Слушал я это и невольно задавался вопросом: была ли Мария в те годы счастлива? И на чем держалась ее любовь?

Жизнь ее с Сергеем внешне была обеспечена, благополучна. Но сколько же напряжения, сколько сиюминутного отчаяния выпало ей в первое время! На ее долю достались обычные испытания жены. Испытания разлукой – он летчик. Испытания верностью – она ждала ребенка, а он каждый день уходил в полет, и летал, отключившись от всего, что могло отвлечь, рассеять внимание, притупить предельную сосредоточенность. Сергей был очень сильным человеком. Такие люди редко и не каждому открываются в минуты сомнений, разочарований и колебаний. Самым близким иной раз и то не открываются. Мария умела быть рядом. Быть может, потому, что жила в ней какая-то природная ясность, понимание вещей, их истинной ценности. И еще, вероятно, потому, что всегда верила в мужа. Ну, а кроме всего, у нее была работа, трудная, сложная, но и любимая, которой она однажды решила посвятить себя и которая оказалось делом всей ее жизни...

Она уже приобретала свой собственный почерк в небе. В личном деле Марии Кулькиной сохранился акт Тренировочного отряда Грузинского управления ГВФ от 2 июня 1940 года – как осмысленный прогноз на будущее: «Техника пилотирования в дневном открытом полете отработана на

Мария Кулькина

отлично, ведет машину и садится на аэродромах Кахетинской линии отлично. Считать ввод в строй законченным. Можно допускать к самостоятельным полетам».

22 июня 1941 года, в воскресенье, Мария должна была вылететь совсем рано. Приехала на аэродром – и сразу же окунулась в привычную сутолоку южного аэропорта.

Шум моторов, медленно встающее солнце, розовеющие по краям облака. Мягко опустилась на сиденье, натренированным взглядом скользнула по приборам. Высотомер, манометр масла, указатель скорости – все нормально, можно выруливать. В это время и примчался кто-то из техников, выкрикнул короткое, неведомое пока, страшное слово. Война! Время начало новый, необратимый отсчет – страданий, горя, потерь...

(Прим. ред. В Молдове недалеко от Дубоссар есть живописное место. До 1972 года оно называлось Тамашлык. Именно здесь 20 мая 1944 года погибла младший лейтенант Мария Ивановна Кулькина. Сейчас это место называется Долиной Марии).

«ЛИЦЕЙСКОЙ ЖИЗНИ МИЛЫЙ БРАТ»

■ Игорь АЛЬМЕЧИТОВ

Количество мифов, легенд и просто забавных исторических анекдотов, окружавших А.С. Пушкина, вполне достойно того, чтобы написать о них отдельную книгу (и, вполне вероятно, не одну).

Всю свою, увы, недолгую жизнь незабвенный «Алесан Сергеич» обладал не только исключительным литературным талантом, которому навсегда было уготовано остаться в истории мировой литературы, но и в реальной жизни «Пушкин – наше все» (по вполне справедливому замечанию другого знаменитого поэта) был необыкновенно остер на язык, а подчас и откровенно несносен даже для своих ближайших и горячо любимых им друзей.

Неоспорим и тот факт, что «Наше все» никогда не лез за словом в карман и всегда готов был дать не только словесный отпор, но даже сатисфакцию на дуэли. Из-за чего, как известно, в 1837 году мы и лишились своего величайшего поэта...

Впрочем, стоит ли сразу о грустном?

Одна из забавных историй, связанная с Пушкиным, также включила в себя дуэль, правда, намного менее известную.

История та, случившаяся, судя по всему, в начале 1818 года за 200 лет обросла домыслами, дополнительными подробностями

и прочими деталями, которые вряд ли возможно будет точно подтвердить или опровергнуть. Потому оставим на усмотрение вдумчивого читателя – верить каким-либо деталям из случившегося, либо просто отмахнуться от них.

Опосредованным участником, который, по разным свидетельствам, чуть было не стал единственной жертвой той дуэли, был Антон Антонович Дельви́г, поэт, литературный редактор и будущий издатель. Так же, как и Пушкин, воспитанник Царскосельского лицея и по совместительству – ближайший друг «Нашего все», которого последний за мечтательность и плохую успеваемость в лицее шутя называл «сын лени вдохновенный».

Непосредственным противником Пушкина на дуэли стал еще один из ближайших его друзей и также воспитанник Царскосельского лицея, Вильгельм Кюхельбекер – русский поэт, общественный деятель и будущий декабрист.

По историческим свидетельствам, Кюхельбекер всегда был достаточно слаб здоровьем. Был он очень худым и часто начинал задыхаться, даже читая лекции. Но несмотря на определенную физическую немощь (напомним, что в обязательные дисциплины обучения молодых дворян в лицее входили и гимнастические дисциплины, требовавшие серьезных физических нагрузок, –

фехтование, танцы, плавание и верховая езда), был он исключительно любим и уважаем всеми воспитанниками лицея.

Тем не менее в стихах Кюхельбекера в молодости, помимо мысли и чувства, было много приторности и пафоса (очевидно, в попытке подражать великим поэтам прошлого). Что касается Пушкина, то он был нетерпим к стихам, переполненным мечтательностью и надуманными эмоциями. И, при всех своих теплых чувствах к Кюхельбекеру, нередко выводил его из себя достаточно едкими выпадами.

Как свидетельствуют некоторые исторические источники, знаменитый поэт Василий Жуковский, которому, помимо его собственного творчества, все мы обязаны лучшим переводом на русский язык «Одиссеи» Гомера, был нередко осаждаем молоды-

ми поэтами, которые читали ему свои стихи в надежде получить слова одобрения от признанного мэтра.

Однажды, как якобы рассказывал Владимир Иванович Даль, Жуковский был зван на великосветский ужин, но еще днем чем-то сильно расстроил себе желудок и остался дома, куда к нему в тот же вечер явился Вильгельм Кюхельбекер – читать свои стихи.

Эти-то два факта, очевидно, и родили знаменитую пушкинскую эпиграмму, которая едва не стала причиной гибели одного из друзей зимой 1818 года.

Едва ли не в тот же вечер и, как сказали бы в наше «вечно нелегкое время», буквально «на коленке» тогда еще не такой великий, каким он стал впоследствии, «Алексан Сергеич» написал едва ли не самую известную и цитируемую из своих эпиграмм:

*За ужином объелся я,
А Яков запер дверь*

*оплошно –
Так было мне, мои друзья,
И кюхельбекерно, и тошно.*

Все, что случилось после того, как текст эпиграммы был прочитан Кюхельбекером, окутано легендами, тайнами и мифами. Но одно несомненно: обиженный до глубины души Кюхельбекер вызвал Пушкина на дуэль.

Пушкин якобы не смог перевести всю историю в невинную шутку, и дело дошло до реальной дуэли. По свидетельствам будущего знаменитого украинского писателя, историка и этнографа Николая Маркевича, на тот момент совсем еще юного поэта, жившего с семьей в Петербурге и то ли лично присутствовавшего на дуэли (ибо был он знаком и с Пушкиным, и с Дельвигом, и с Кюхельбекером), то ли слышавшего обо всем из первых уст, дуэлянты явились на Волково поле и затеяли стреляться в некоем недостроенном фамильном склепе.

Пушкин, по вполне понятным причинам, не хотел глупой дуэли с близким другом. Тем более, из-за совершенно невинной шутки. Но отказаться не позволяли ни нормы приличий того времени, ни дворянская честь.

Секундантом Кюхельбекера на дуэли был Антон Дельвиг, который стоял в нескольких шагах

от оскорбленной стороны. Кто был секундантом Пушкина, история либо умалчивает, либо (по разным версиям) путается в показаниях.

После стандартной преддурной процедуры, все сошлись на том, что первым стрелять будет Кюхельбекер. За Пушкиным оставался второй, он же – ответный выстрел.

После того, как все формальности были соблюдены, Кюхельбекер поднял пистолет и начал прицеливаться. Пушкин в этот момент якобы закричал: «Дельвиг! Стань на мое место, здесь безопаснее».

Крик Пушкина, еще раз косвенно оскорбивший Кюхельбекера как неважного стрелка, взбесил последнего и того больше. Рука Кюхельбекера дрогнула, он развернулся в полоборота и случайно нажал на курок...

Пуля пробила фуражку на голове Дельвига. Хотя и не причинив последнему никакого физического увечья.

Ситуация явно вышла за рамки шутки, ибо мог пострадать совершенно непричастный к делу человек.

Но и здесь будущий великий поэт не смог удержаться и изменить себе, оставаясь все тем же острым на слово Пушкиным.

– Послушай, товарищ, – воскликнул «Наше Все», обращаясь к Кюхельбекеру, – говорю без лести – ты стоишь дружбы, но без эпиграммы ты и пороху не стоишь!

После чего бросил свой заряженный пистолет в снег.

Кюхельбекер пытался заставить сделать Пушкина ответный выстрел, но последний напрочь отказался стрелять, ссылаясь на формальную причину, что в ствол пистолета попал снег и порох внутри уже отсырел...

Разумеется, друзья быстро помирились. Хотя выражение «и кюхельбекерно, и тошно», которое стало крылатым, великий поэт еще не раз использовал, как устно, так и в своих письмах. Например, во время путешествия по Российской империи в январе 1823 года в числе прочего Пушкин писал своему брату Льву из Кишинева: «Благоразумный Левинька... Прощай, душа моя! Если увидимся, то-то зацалую,

заговорю и зачитаю. Я ведь тебе писал, что Кюхельбекерно мне на чужой стороне. А где Кюхе?»

Чтобы завершить очерк на высокой ноте и показать особенно впечатлительному читателю искреннее и трепетное отношение Пушкина к своему близкому другу и его стихам, достаточно привести стихотворение, написанное и посвященное им Вильгельму Кюхельбекеру еще в 1817 году.

В последний раз,
в тиши уединенья,
Моим стихам внимают
наш Пенат!
Лицейской жизни милый брат,
Делю с тобой
последние мгновенья!
Итак, они прошли –
лета соединенья; –
Итак, разорван он –
наш братский верный круг!
Прости!.. хранимый
тайным небом,
Не разлучайся, милый друг,
С фортуной, дружеством
и Фебом, –
Узнай любовь –
неведомую мне –
Любовь надежд,
восторгов, упоенья:
И дни твои
полетом сновиденья
Да пролетят
в счастливой тишине!
Прости... где б ни был я:
в огне ли смертной битвы,
При мирных ли брегах
родимого ручья,
Святому братству верен я!
И пусть... (услышит ли
Судьба мои молитвы?)
Пусть будут счастливы все,
все твои друзья!

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ

Блудный сын

Сын, вышедший из повиновения отцу. В переносном смысле: 1) человек, покинувший какое-либо сообщество или занятия в поисках чего-то нового, а затем, обычно после неудач, вернувшийся к прежнему образу жизни; 2) человек, ведший беспутную жизнь, но раскаявшийся в своих заблуждениях и заслуживший прощение.

Источник: Притча о блудном сыне из Евангелия от Луки (гл. 15, ст. 11-32). В ней рассказывается о том, что однажды некий человек разделил свое имущество между двумя сыновьями. Младший забрал свою долю и ушел из дома. Скитаясь на чужбине, он все растратил, дошел до крайней степени нужды и вернулся в отчий дом. Отец сжалился над ним, обнял и поцеловал. И сын сказал: «Отче! Я согрешил против неба и пред тобою и уже недостоин называться сыном твоим». Но отец, видя его искреннее раскаяние, велел одеть его в лучшие одежды и устроил пир: «Станем есть и веселиться! Ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся».

Бог дал, Бог взял

Слова утешения при утрате того, что было получено без собственных усилий, «божьем промыслом», и им же отнято. Выражение смирения при большой потере.

Источник: Книга Иова (гл.1, ст.19) в Ветхом Завете, где говорится о страшных испытаниях, посланных Иову Господом: «И вот большой ветер пришел от пустыни и охватил четыре угла дома, и дом упал на отроков,

и они умерли...» Иов сказал на это (гл.1, ст.21): «Наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!»

Богат и славен Кочубей

Используется в качестве шуточной характеристики богатого, удачливого, знаменитого человека.

Источник: Песнь I из поэмы А.С. Пушкина «Полтава».

Богат и славен Кочубей,

Его луга необозримы:

Там табуны его коней

Пасутся вольные, нехранимы.

Кругом Полтавы хутора

Окружены его садами,

И много у него добра,

Мехов, атласа, серебра

И на виду и под замками...

Богат, как Крез

Иносказательно: об очень богатом человеке.

Источник: «История» Геродота, в которой сказано, что царь Лидии Крез (первая половина VI в. до н.э.) обладал несметными сокровищами.

В 547 г. до н.э. огромная армия Креза была разбита персидским царем Киросом. Сокровища лидийского царя Кир забрал в свою казну, присоединил завоеванные владения к своим, а самого Креза приговорил к сожжению на костре.

Богатенький Буратино

Ироническая характеристика богатого человека, чье состояние не является результатом его личных усилий и способностей.

Источник: телевизионный фильм «Приключения Буратино»,

снятый в 1975 г. режиссером Л. Нечаевым по сказке А. Толстого.

Богатые тоже плачут

С испанского: Los ricos también lloran.

Шутовое утешение тех, кто завидует богатым, поскольку и у состоятельных людей много проблем и неприятностей.

Источник: название мексиканского телесериала. Выражение вошло в обиход после появления сериала на российском телевидении.

Боги судили иначе

С латинского: Dis aliter visum.

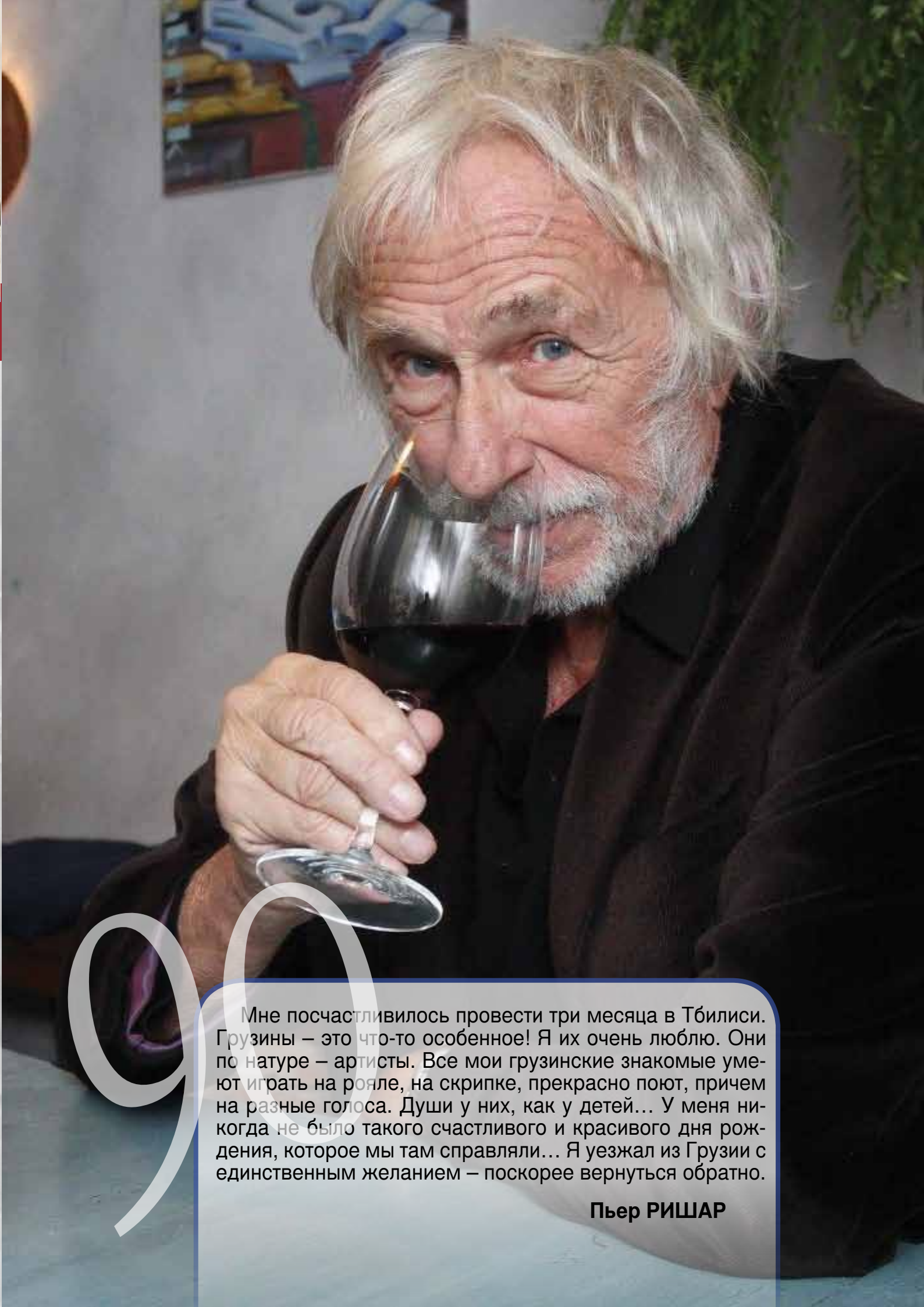
Литературный аналог поговорки «Человек предполагает, а Бог располагает». w

Источник: эпизод из поэмы Вергилия «Энеида», повествующий о неудачной попытке троянского отряда применить военную хитрость: троянцы переоделись в одежды греков, намереваясь внести смятение в их ряды, но «боги судили иначе», и в результате на переодетых троянцев напали и свои, не знавшие об этой хитрости, и враги, ее раскусившие.

Бойтесь первого движения души: оно, как правило, самое благородное

Призыв быть осмотрительными в общении с людьми, полагаться не на эмоции, а на разум.

Источник: слова французского дипломата, министра иностранных дел при Директории, Консульстве, империи Наполеона I и монархии Людовика XVIII, мастера политической интриги Шарля Мориса де Талейрана.

Мне посчастливилось провести три месяца в Тбилиси. Грузины – это что-то особенное! Я их очень люблю. Они по натуре – артисты. Все мои грузинские знакомые умеют играть на рояле, на скрипке, прекрасно поют, причем на разные голоса. Души у них, как у детей... У меня никогда не было такого счастливого и красивого дня рождения, которое мы там справляли... Я уезжал из Грузии с единственным желанием – поскорее вернуться обратно.

Пьер РИШАР

Фото: Серго ЭДИШЕРАШВИЛИ

